

Александр Амурчик

Драйв! Dolcezza

Цикл «Прутский Декамерон». Книга 5

Александр Амурчик

**Драйв! Dolcezza. Цикл
«Прутский Декамерон». Книга 5**

«Издательские решения»

Амурчик А.

Драйв! Dolcezza. Цикл «Прутский Декамерон». Книга 5 /
А. Амурчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836186-9

Кажется, что это незатейливые истории сексуальной самореализации юноши в псевдопуританском социалистическом обществе. Но вчитайтесь — и вы обнаружите, что это острые горькие книги о сочувствии ближнему и естественных радостях бытия. В стране, где высшим достоинством представляется сила, высшей добродетелью — деньги, а высшим духовным взлётом — половой акт, дети рождаются от случайного зачатия и, вырастая, продолжают унылый порочный круг. Автор нашёл в себе силы выйти за пределы этого круга.

ISBN 978-5-44-836186-9

© Амурчик А.
© Издательские решения

Содержание

Новелла первая. Уфа – Стерлитамак	6
1	7
2	11
3	16
4	19
5	22
6	23
7	27
Новелла вторая. Крик совы	34
Новелла третья. Дева для Кондрата	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Драйв! Dolcezza
Цикл «Прутский Декамерон». Книга 5
Александр Амурчик

© Александр Амурчик, 2017

ISBN 978-5-4483-6186-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла первая. Уфа – Стерлитамак

Кофейный мохито

Кофе «эспрессо».

100 мл тоника.

4 листика мяты.

3 дольки лайма.

1 чайная ложка коричневого сахара.

Листик мяты, лайм и сахар растереть в бокале.

В стакан насыпать измельченный лед, перемешать.

Влить тоник, затем добавить эспрессо.

Долить кофе, стараясь не смешать слои.

Украсить мятой и лаймом.

*Хвала Творцу, что время длится
что мы благих не ждем вестей,
и хорошеют наши лица
от зова низменных страстей
Игорь Губерман*

1

Наша молдавская зима с её капризной переменчивой погодой – от морозов до оттепелей иногда в январе, а чаще в феврале, – была уже на исходе, когда мой непосредственный шеф, начальник заводского отдела сбыта Песков Алик Наумович, наш отец, кормилец и благодетель, как называли его проводники, позвонив утром по телефону, вызвал меня из дома, пообещав новый рейс. На этот раз, я надеялся, речь шла действительно о дальней поездке, так как предыдущий мой рейс длился всего четверо суток, и за это время мне даже не пришлось выезжать за пределы Молдавии.

Зная, что меня могут опередить шустрые коллеги, также лелеявшие мечту о дальних рейсах, я, не теряя ни минуты, отправился на винзавод. Однако, войдя в автобус, я обнаружил там нескольких своих коллег, направлявшихся туда же, куда и я, так что в контору завода мы прибыли уже небольшой компанией. Дорогой от нечего делать мы сплетничали: вот уже несколько дней весь город будоражили слухи о том, что один из наших коллег-проводников – Валера Карпин, имя которого и без того весьма часто бывало у всех на слуху, убил какого-то человека. Обычная бытовая история: якобы муж, не вовремя вернувшийся домой, застал его в постели со своей женой, из-за чего между ним и Валерием тут же вспыхнула драка. Разъяренный по понятной причине муж, схватив кухонный нож, бросился на любовников, которые, нежась в постели, заметили его лишь в последнюю секунду, но в итоге был убит ударом в грудь того же самого ножа, который Валерий в ходе драки сумел развернуть в сторону нападавшего. Может быть, кто-то и считал эту историю нереальной, то только не я: зная не понаслышке, что Валерий обладает чудовищной физической силой, мне нетрудно было предугадать результат подобной схватки. Мало кто знал, что в юности Валерий занимался борьбой, да еще так успешно, что дважды ездил на всесоюзные первенства. Правда, медалей оттуда не привёз. Став старше, Валерий бросил спорт, но искрометная энергия была из него, не находя выхода, поэтому он ушел в криминал.

В тесном кабинете начальника сбыта к нашему приходу собралось десятка полтора проводников, при этом все вполголоса обсуждали то же самое происшествие. Присоединившись к остальным и тем самым заполнив помещение до отказа, мы стали ждать распределения рейсов. Наконец, хозяин кабинета, Алик Наумович, оторвавшись от своих бумаг, внимательно оглядел всех присутствующих и сказал с явной, нескрываемой радостью в голосе:

– Ну что, ребята, доигрался все-таки наш работник и ваш коллега Карпин? Сколько ему говорили люди, да и я тоже: будь потише, веди себя скромнее, так нет, он еще и к чужой жене в постель полез. Жаль, конечно, что невинный человек погиб... Так ведь и Карпин теперь лет десять нас не будет тревожить, опять отправят его в места не столь отдаленные.

Я, выслушав его, усмехнулся. Злые языки утверждали, что Алик Наумович ненавидел Валерия Карпина лютой ненавистью, так как тот требовал для себя только выгодные рейсы, которые Песков, боясь его, безропотно ему предоставлял.

Остальные проводники отреагировали на слова шефа по-разному: кто-то чесал в затылке, жалея коллегу, другие, особенно те, кто знал Валерия достаточно хорошо или ездил с ним в рейсы, – вздохнули со скрытым злорадством, так как характер у Валерия был далеко не сахар, к тому же он напарников своих, из тех, кто попроще, порой обделял в деньгах, и, кроме того, заставлял выполнять все тяжелые и грязные работы по вагону, а то и вовсе склонял их к содомскому греху, к которому привык, отсиживая в тюрьме свой еще первый срок, кстати, за убийство. При этом следует отметить, что очень многие в нашей фирме побаивались его и в то же время уважали: иные за физическую силу, другие же тянулись к нему за циничный, но острый самобытный юмор, за бесстрашие и бесшабашность, за умение широко гулять и привлекать к себе женщин.

– Ну, а теперь займемся делом, – задумчиво сказал Алик Наумович, вновь склоняясь над столом и начиная листать свою всем нам знакомую потрепанную тетрадь в желтом кожаном переплете.

Ввиду важности момента проводники притихли, некоторые даже дыхание задержали: ведь от распределения рейсов зависело очень многое: первое – сколько времени продлится рейс, ведь у нас порой случались и двух-трехдневные рейсы по республике, но бывали также рейсы, такие, например, как на Благовещенск, которые занимали от полутора до двух месяцев; и второе, главное – будет ли рейс прибыльным: тот же Благовещенск, Мытищи или Барнаул; или «голодным» – на Ригу или, к примеру, Тбилиси. (Что касается двух последних, то я уже имел «удовольствие» в этих городах побывать, как, впрочем, и в двух последних из первой тройки, что, отмечу, мне лично каких-либо значительных прибылей не принесло).

В тишине, установившейся в кабинете, отчетливо скрипнула дверь. Алик Наумович с неудовольствием поднял глаза на вновь вошедшего человека, и внезапно его взгляд сделался беспомощным, начальник сбыта даже растерянно заморгал. Все обернулись к входу – в дверях стоял Валерий Карпин собственной персоной. На нем был коричневый вельветовый костюм, не скрывававший могучего торса, на мощной, стриженной налысо голове размещалась щеголеватая кожаная кепка, с которой он круглый год не расставался, но особенно выделялись его руки – это были мощные руки каменотеса. В общем, Валерия невозможно было с кем-либо спутать.

– Ну что, Алик! – зычно гаркнул он, развалистой походкой проходя на середину помещения и быстрым острым взором ощупывая всех присутствующих. – Какой ты мне рейс на этот раз предложишь? Знаешь что: оформи меня, пожалуй, на Барнаул, а еще лучше – на Благовещенск, надоели все, бля, хочется от ваших морд отдохнуть.

– Я... да, да, я, конечно... – пробормотал начальник сбыта, делая знак своей помощнице – товароведу Маше, которая сидела за соседним столиком и занималась оформлением документов. Затем он приподнялся со своего места, но вдруг как-то странно грудью повалился на стол, и лишь спустя минуту мы поняли, что ему сделалось нехорошо, пришлось даже вызвать скорую помощь, которая увезла Алика Наумовича в больницу. На следующий день мы узнали, что у нашего шефа инфаркт.

На третий день после случившегося, – рейсы из-за внезапной болезни шефа распределяла Маша, – Карпин отправился в рейс на Барнаул, так как на Благовещенск поставок вина в этот период не было, а меня через две недели вместо обещанного рейса на Уфу командировали в Стерлитамак, находившийся там же, в Башкирии, причем в напарники мне опять дали нового человека.

Новенького звали Володя Захаренко. Прежде я с ним не был знаком, да, пожалуй, и не мог быть, хотя мы с ним и были сверстниками: он, будучи четырнадцатилетним подростком, совершил какое-то преступление, за что получил срок и отправился, как говорится, по «ленинским местам». К 28 годам тринадцать из них он провел в тюрьмах и зонах, имея то ли четыре, то ли пять судимостей, при этом он являлся самым молодым в истории Молдавии «полосатиком», – так называют сидельцев в «крытой» тюрьме. Был он роста немногим ниже среднего, очень худ, всегда как йог спокоен, матом не ругался и в свои не слишком еще зрелые годы производил впечатление эдакого умудренного жизненным опытом старичка.

Мы с ним загрузили вином две единицы: «спец» и «бандуру» – 60-тонник. Вино нам досталось нестандартное и некондиционное – так называемое «сухо-крепкое»: 19 градусов крепости, на цвет почти прозрачное, а на вкус обыкновенное сухое, или, как у нас говорят, без добавления сахара и краски. Короче говоря, обыкновенный винный полуфабрикат без названия, с добавлением в него спирта для крепости, и на вкус, надо признать, весьма отвратный из-за полного отсутствия сладости.

Мы с Володей не знали, радоваться нам или огорчаться: с одной стороны, вино было достаточно крепким, вдвое крепче стандартного сухого, только сахарину добавляй, сахарком жженым подкрашивай и продавай, выдавая за обычное – крепленое или десертное; с другой стороны, получи мы чисто сухое, 9-градусное, это означало бы полный провал нашего мероприятия по причине отсутствия спроса у клиентов.

Одновременно с нами в том же составе рейсом на Уфу отправлялась еще одна такая же «двойка» вагонов, в которые было залито вполне кондиционное вино – портвейн розовый, а проводников, знакомых нам ребят, звали (по кличкам): Череп и Чарли. Нас с Володей, кстати, тоже называли не по именам, а по кличкам, которые в нашем городе в тот период имели практически все: Володю еще по тюрьме окрестили производным именем от фамилии Захаренко – Захар, меня же, очевидно, по созвучию с предыдущей профессией – Борман. (То есть был бармен с маленькой буквы, а стал Борман – с большой). Меня, честно говоря, нисколько не смущало, что я носил кличку, служившую фамилией одному из фашистских лидеров – он был весьма загадочной и таинственной личностью; Бормана, как известно, уважали и боялись все: и свои, немцы, и русские, а также американцы с англичанами; иногда в прессе даже проскальзывали намеки на то, что он то ли благоволил, то ли симпатизировал русским.

Итак, мы отправились в рейс в одной сцепке с нашими приятелями-коллегами, из-за чего, забегая немного вперед сообщаю, что грустить и скучать в дороге нам не пришлось.

Просыпаясь сравнительно поздно, где-то около десяти, мы с коллегами до самого полудня занимались спортом – это был бег, боксерские спарринги и т. п., затем вместе обедали, по вечерам играли в карты, при этом, случалось, выпивали, но довольно умеренно. Ночью, если наш состав стоял где-нибудь в жилой зоне, мы принимались за «дело»: мои коллеги «разували» стоявшие у домов «жигули», снося снятую резину в вагоны, не брезговали и аккумуляторами. Затем, естественно, отсыпались, потому и поздно вставали. Я, честно говоря, с затаенным страхом ожидал, что в конце концов дела эти закончатся плохо: или нас поймают хозяева обкрадываемых автомашин, или же и вовсе мусора заметут, но, как ни странно, всё в итоге обошлось. Приготовление обедов, а заодно и завтраков с ужинами для нашей четверки я добровольно взвалил на себя, для чего порой, в виде дополнительной спортивной нагрузки, мне приходилось гоняться с нунчаками за домашними курами или гусями, нередко бродившими в зоне отчуждения железной дороги и поэтому считавшимися у нас «дичью».

Чарли с Черепом упражнялись достаточно серьезно: они много бегали и прыгали, скакали на скакалке, затем около часу боксировали между собой (Череп всего пару лет тому назад был то ли чемпионом, то ли призером республики по боксу, что не мешало Чарли – боксеру-самоучке, или, точнее сказать, уличному хулигану, настырному и агрессивному, побивать порой своего именитого соперника). Иногда я тоже принимал в этих драчках участие, и только Захар, глядя на нас, спокойно покуривал, а на предложение размяться отвечал с усмешкой: «Я, братцы, слишком хилый, куда мне с вами тягаться. Я, если надо будет, незаметно исподтишка ножичком пырну, и все дела».

Посуду после обеда чаще других приходилось мыть Черепу, и он, гремя ложками в котелке, просил нас: «Ну вы там, в натуре, когда домой приедем, пацанам не говорите, что я посуду мыл, а то засмеют». Тут, пожалуй, следует уточнить, что Череп уже в описываемый период был достаточно заметной в нашем городе личностью, его очень многие уважали и побаивались, а вскоре ему предстояло стать некоронованным королем города, эдаким бандитско-мафиозным символом.

На одном из полустанков, когда наш состав находился уже на территории Башкирии, наши группы-«двойки» расцепили, после чего сбросили с «горки», где мы и попрощались с ребятами, так как их вагоны вошли в состав, следующий на Уфу, а наши, уже в другом составе, предназначались к отправке на Стерлитамак. Признаюсь честно, лично я в минуту прощания вздохнул с большим облегчением: молодецкая удаль, неумемная энергия и криминальные

наклонности Черепа и Чарли порой перехлестывали через край; к тому же во время ночных краж в мою обязанность входило с помощью рогатки (я неплохо с ней справлялся) выводить из строя ближайшие фонари, если таковые имелись, а затем стоять на шухере с нунчаками в руках и, в случае чего, отбиваться от преследователей, что меня никак не могло радовать. В своем вагоне Череп и Чарли увезли десятка два жигулевских колес, три-четыре аккумулятора и с полтонны всевозможных других запчастей.

Теперь, когда мы с Володей остались вдвоем, и никто, кроме нас самих, не организовывал наше времяпровождение, я стал приставать к напарнику с расспросами, как да что происходит в тюрьмах и на зонах, каковы там человеческие взаимоотношения – тюремная «романтика» по-своему привлекательна и интересна, к тому же любой гражданин нашей замечательной родины, вчера еще законопослушный и вполне наивный, случайно оступившись, или же сознательно нарушив закон, уже назавтра мог ощутить на себе все «прелести» этой самой романтики, так что знания о ней никому не могли помешать.

Володины истории, а рассказывал он их, надо сказать, без особой охоты, мы перемежали для разнообразия игрой в карты, причем я от него требовал, чтобы он обучил меня тем тюремным играм, с которыми я сам был мало знаком, как то: «бура», «тысяча» и так далее. Володя играл дерзко и жестко, и с самого начала поставил категорическое условие: играем только на деньги, хотя бы и в долг, в счет будущих доходов. Я, надо сказать, оказался неблагодарным учеником: подчинив строгой дисциплине свою обычную расхлябанность, я заиграл строго на результат, и вскоре, начиная уже со второго дня, стал выигрывать у своего учителя, а тот, удивляясь, относил мои успехи к невероятной моей везучести. Кроме прочего, Володя неплохо играл в шахматы и случайно попавшая в наши руки коробка с фигурками, оставшаяся в вагоне от кого-то из предыдущих проводников, весьма нам пригодилась, когда мы, устав от карт и разговоров, устраивали шахматные баталии, и тогда мне, крепкому второразряднику, приходилось, признаюсь, очень напрягаться, чтобы переиграть своего оппонента. Ну, а для поддержания спортивной формы, я во время стоянок продолжал бегать вдоль состава, растягиваться и подтягиваться на всех подходящих для этой цели железных деталях вагонов.

На девятый день нашего путешествия, которое, по нашим расчетам, уже близилось к концу, во время стоянки, когда я, облаченный в спортивный костюм и кроссовки, бегал как обычно, трусцой вдоль состава, впереди, по ходу движения поезда, в утренней туманной дымке показались смутные контуры города Стерлитамак.

Едва я миновал головные вагоны нашего состава, как меня окликнул машинист, высунувшийся из окна электровоза.

– Эй, парень, – сказал он. – В этих местах бегать не рекомендуется, местный воздух отравлен выбросами химкомбинатов. Здесь ты запросто можешь заработать какое-нибудь заболевание легких.

– Надеюсь, что не успею, – отозвался я, не прерывая бега, – день-два, максимум три, и мы уедем отсюда.

2

Надо сказать, что никто из знакомых нам проводников никогда прежде в Стерлитамаке не бывал, поэтому некому было нас снабдить полезной информацией, например, как тут обстоят дела с продажей, а также со сдачей вина на местном заводе. По этой причине мы с Володей, еще находясь в дороге, старались продать нашей бормотухи как можно больше. По уже хорошо знакомой мне технологии мы подкрашивали вино жженым сахаром, добавляли растворенный сахарин, добиваясь подходящего цвета и вкуса, а содержание в нем спирта и так было более чем достаточным. Продавалось вино, тем не менее, плохо, но мы на особые заработки и не надеялись, на еду бы хватило – и ладно.

После обеда того же дня наш состав уже в черте города разобрали, а вагоны в результате долгих пертурбаций поставили... прямо напротив пассажирского вокзала, на третьем пути.

Закрыв вагон, мы с Володей отправились разведывать обстановку; близость вокзала и гуляющий по перрону милиционер несколько напрягли нас, и по этой причине мы пока побаивались открывать продажу.

Обнаружив вблизи вокзала здание с вывеской «Баня», мы тут же вернулись в вагон за вещами и отправились купаться, а на обратном пути плотно поужинали в станционном кафе, где, как ни странно, в наличие имелась приличная горячая хавка, то есть, простите за жаргон, еда. Возвращаясь по свежему, некрепкому морозцу, мы мечтали, придя в вагон, накатить по полстакана водки и завалиться спать. Однако нашим планам не суждено было сбыться: у вагона нас уже поджидала приличная очередь желающих приобрести вино, и мы, естественно, тут же занялись делом, тем более, что милиционера в пределах видимости мы не обнаружили.

Я работал с радостным возбуждением, замешивая во фляге все новые порции нашей бормотухи и с благоговением поглядывал на нескончаемую очередь. Володя тем временем под моим неустанным контролем отпускал вино и брал деньги.

Стемнело, но поток покупателей не уменьшался, а после семи вечера даже увеличился, что, скорее всего, означало, что в местных магазинах уже закрылись винные отделы. Между делом я не сразу обратил внимание на двух молоденьких женщин, которые уже с час, наверное, крутились в самой непосредственной близости от вагона; они, о чем-то переговариваясь между собой и пританцовывая сапожками на бетонном покрытии перрона, то и дело бросали взгляды в нашу сторону, а я, как назло, не мог оторваться от работы и поинтересоваться, для чего они здесь находятся. (Хотя я уже догадывался, для чего именно, как, впрочем, и вы, уважаемый читатель.) Наконец поток клиентов сошел на нет, и у меня выдалась свободная минута переговорить с девушками. Дамочки эти на первый взгляд выглядели вполне прилично, и, нас дожидаясь, уже ощутимо продрогли, поэтому я без церемоний пригласил их в вагон. Обе подруги, возрастом в пределах 25, не стали набивать себе цену и без лишних выкрутасов забрались внутрь; мы познакомились, одну из них, темноволосую, звали Варей, другую, русоволосую – Верой; обе работали в конторе железнодорожной станции, одна – кассиршей, другая бухгалтером.

Володя был от наших гостей в восторге, еще бы: после более чем недельного путешествия мы уже прилично оголодали в сексуальном плане, а тут девушек даже не пришлось искать и уговаривать, они сами к нам пришли. Мы растопили печь, которая вскоре весело загудела, наполняя купе приятным теплом благодаря брошенным туда специальным сильнопламенным угольным брикетам, затем распили за знакомство бутылку водки, которой и ограничились, хотя гости были не против продолжить, и тут же распределились по парам, – я выбрал Варю. Володя отправился с Верой в отсек, а мы с Варей с удобствами расположились на полуторном топчане.

Моя партнерша оказалась темперамента средненького, но зато почему-то обильно истекала любовной жидкостью, что поначалу меня несколько встревожило, затем я попросту перестал обращать на это внимание.

С голодухи я сделал три захода подряд, Володя же все это время, что-то около полутора часов, из отсека не появлялся. Периодически в двери вагона стучали, требуя вина, но мы, естественно, не открывали, так как были заняты другим делом, для нас на этот момент более важным. Вскоре после полуночи дамочки ушли, и мы с Володей, усталые, но довольные, с кружками крепкого, почти черного чая в руках, заваренного в полном соответствии с тюремными рецептами, усадились на топчане.

– Ты не представляешь, Савва, какой кайф я испытал! – восторженно изливал душу мой напарник, прихлебывая чифир. – Оказывается, трахать бабу так же приятно, как и мужика. – От его слов я поежился, но он, не замечая моей реакции, продолжал: – Поставил я ее в отсеке раком и драл целый час, не останавливаясь.

– А куда хоть драл-то? – полюбопытствовал я.

– А черт его разберет, у баб ведь на одну дырку – ха-ха-ха – больше, чем у мужиков, да к тому же дырки эти рядом расположены, так что я толком и не понял – куда. Главное – мне было приятно.

Его рассказ меня, понятное дело, корежил, однако затем я вспомнил, что Володька-то на зону ушел совсем еще мальчишкой, поэтому первые опыты секса он познал там с мужчиной, то есть с пидором, естественно.

– Постой-постой, а ты вообще раньше с бабой-то трахался когда-нибудь? – спросил его я.

– Да было пару раз... – неохотно стал припоминать Володя. – Когда после второй ходки откинулся. Мне, если честно, не понравилось, капризные они очень, и тогда я стал по городу знакомых пидоров отглавливать. А сейчас вот хорошо бабу прочувствовал, с бабой тоже неплохо. В рот, правда, брать отказалась, сказала: час всего знакомы, а ты уже хочешь все разом.

Я рассмеялся:

– Если завтра придет, еще раз предложи, наверное, уже не откажет. Как старому знакомому.

Мы посмеялись вместе. А вскоре, допив чай, улеглись спать; в двери, к нашей радости, больше не стучали.

Проснувшись на следующий день около восьми утра, я оставил напарника в вагоне спящим, а сам отправился на станцию. Выведал у станционного начальства, что на винзавод нас поставят не раньше чем через денек-другой, так как там уже стояли вагоны под сливом, а короткая рампа не позволяет принимать больше двух вагонов одновременно. Радуюсь такому повороту событий, я продолжил свой путь, и вскоре углубился в микрорайон, что находился за станцией. Планировка этой части города не радовала глаз: район по большей части был застроен одно и двухэтажными зданиями, преимущественно деревянными, а единственным, заслуживающим моего внимания, оказалось здание столовки. Я еще названия ее не разглядел, а желудок уже среагировал на донесшиеся до моего носа запахи голодными позывами, и я, решительно преодолев двойную, утепленную пленкой дверь, вошел внутрь.

Выкрашенное в темно-синий цвет помещение столовой, освещенное двумя слабосильными лампочками, висевшими под самым потолком, имело довольно унылый вид. И я, уже не обращая внимания на интерьер, включавший в себя десятка два столиков с изгрызенными алюминиевыми столешницами и изрезанными ножами стульями вокруг них, направился к святому месту любой столовой – раздаче. Уборщица, чей огромный квадратной формы зад, обтянутый синим халатом, преградил мне путь, перемещалась по столовой виртуозно размахивая веником, словно Брюс Ли – нунчаками; золотистая пыль, следуя за ней, облаком поднималась в воздух, никак не улучшая и без того хмурую атмосферу помещения. Раздача сияла девствен-

ной пустотой, и я свернул к кассе, за которой сидела среднего возраста кассирша – еще одна весьма упитанная дама.

– У вас сегодня что, санитарный день? – спросил я ее, кивая на уборщицу.

– Нет, работаем как обычно, – ответила она, холодно оглядев меня с головы до ног. (Одет я, надо признать, был довольно просто, а у нас, как вы знаете, встречают по одежке). – А что, вы чего-нибудь хотели?

– Да, обыкновенное дело, – в тон ей ответил я, – хотел бы чего-нибудь поесть. – И я кивнул на пустую раздачу.

– А чего именно? – смягчилась кассирша, выплывая из-за кассы.

– Ну не знаю, – сказал я, – каши там манной горячей, можно и творожка со сметаной, или хотя бы яичницу.

Кассирша шаркающей походкой проследовала к огромному холодильнику-шкафу, открыла его, сунула внутрь руку, достала из его недр тарелку и поставила передо мной: на меня глянули два огромных мороженных серо-желтых глаза под названием «глазунья».

Я усмехнулся:

– И это все?

– Ну, есть еще блинчики с творогом, – выдавила из себя кассирша и развела руками. – Тоже в холодильнике. Вчерашние.

Ситуация все больше веселила меня.

– Так вы что же, завтраком людей здесь не кормите? Где горячее на мармитах, где образцы дежурных блюд, где, наконец, повар с приветливой улыбкой на лице?

– Вы... вам что, позвать повара? – слегка растерялась под моим напором кассирша.

– Нет, пожалуй, лучше сразу шеф-повара, – повысил голос я, заметив, что из глубин кухни выглядывает еще одна женщина в белом халате. – Подайте мне сюда заведующую производством – срочно, скажите, что она приглашается на личное расцеловывание за большие достижения в части обслуживания населения в сфере общественного питания.

Третья по счету женщина, обнаруженная мною в столовой, вышла в зал и, одергивая по дороге халат, направилась в мою сторону. Увидев ее, я смолк, мой воинственный пыл мгновенно угас: она была молода, до тридцати, хороша внешне, сквозь тонкий нейлоновый халат угадывались гибкие формы ее пропорционально сложенного тела, а симпатичное лицо, обрамленное светло-русыми волосами до плеч, улыбалось.

– Здравствуйте, я здесь заведующая производством, а вы кто, простите, будете? – кокетливо спросила меня женщина.

– Здравствуйте, очень приятно, я буду простой советский гражданин, можно сказать, труженик, натурально умирающий в данный момент от голода, а меня тут... позавчерашней отморозенной яичницей кормить собираются.

– Вы случайно не?... – с еще более располагающей улыбкой спросила женщина, и я, поняв, что она хочет спросить, не проверяющий ли я, выпалил:

– Знаете что, если вы здесь хозяйка, то у меня к вам, пожалуй, имеется интимное, то есть, простите, личное дело. Поэтому, давайте-ка пройдем в кабинет.

Сопровождаемые любопытными взглядами коллег, мы вместе с заведующей удалились в служебные помещения. А спустя пять минут я уже сидел за столом напротив Нины – так звали завпроизводством, – и уминал горячую тушеную с мясом картошечку, приготовленную работниками столовой для собственного употребления, и закусывал солеными помидорами. Нина же то и дело подливала в мою рюмку коньяк из бутылки с витиеватыми армянскими иероглифами, и все пыталась выяснить, кто я и с какой целью явился в столовую.

– Не беспокойтесь, Ниночка, я никакой не проверяющий, – немного утолив голод, сказал я, – и вы зря меня коньяком угощаете, как бы не пришлось потом сожалеть.

Нина укоризненно покачала головой, и я прекратил паясничать, после чего мы с ней заговорили за жизнь, и в итоге я аппетитно и вкусно позавтракал в обществе замечательной и симпатичной женщины – шеф-повара.

Когда я уходил, Нина проводила меня до порога, отказываясь взять за завтрак деньги – протянутую мною десятку.

– Смотрите, Ниночка, мне так понравилось ваше гостеприимство, что я, скорее всего, приду сегодня ужинать.

– Приходите, Савва, – отозвалась она кокетливо, – только я лично работаю до пяти, а потом ухожу домой.

Уборщицу с квадратным задом я застал теперь уже на улице, она все тем же, уже знакомым мне веником, сметала с дорожек снег.

– Mamочка, ты умеешь хранить тайны? – шагнул я к ней.

Женщина, сделав очередной шаг, тревожно поглядела на меня, отставила в сторону веник, поправила на голове платок и для чего-то прокашлялась.

– Дело в том, что я из КГБ, так что ты, мать, прежде всего не волнуйся, ничего не бойся и отвечай мне все по правде.

– Хорошо, – закивала женщина и даже пододвинулась на шаг ближе, изобразив на лице готовность сотрудничать.

– Скажи мне, пожалуйста, Нина, ваш шеф-повар, замужем или нет?

– Вроде бы и да, и нет, – ответила женщина, однако, заметив на моем лице недоуменное выражение, пояснила: – Муж у ней в тюрьме, чего тут непонятного.

– Конечно, понятно, обычное дело, – справившись с собой, бодро сказал я. – А скажи, дети у нее есть?

– Двое, мальчик шести лет, а девочка совсем маленькая, полтора годика, Светой зовут.

– Да? Спасибо, – сказал я рассеянно. – Впрочем, у нас в КГБ все эти данные наверняка есть. Спасибо вам, мать, за информацию и всего хорошего. О нашем разговоре ни-ни, никому ни слова, понятно?

– Как не понять, – ответила женщина и вновь взялась за веник, а я потопал своей дорогой.

Когда я вернулся в вагон, Володька все еще дрых. После посещения столовой я заглянул в продовольственный магазин и прикупил кое-чего из съестного; видимо, шуршание пакетов и разбудило моего напарника.

– О, ништяк, бацилла! – проговорил он радостно и, выбравшись из постели, взял из моих рук палку копченой колбасы. – Люблю колбасу, да только видеть мне ее очень редко приходилось: на малолетке колбасу жрать было запахло, потому что она на хер похожа, на тюрьме у взрослых – откуда ж она там возьмется? Вот только на воле и отожрешься. Когда, конечно, достать удастся, – добавил он.

Володя со счастливым выражением на лице наминал колбасу с хлебом, запивая лимонадом и кефиром – без разбора, а я, разложив купюры по номиналам, стал подсчитывать наши с ним финансовые ресурсы. На сегодняшний день наши доходы составили тысячу четыреста рублей на двоих – что ж, совсем неплохо, особенно если учесть качество продаваемого вина.

Далее в течение целого дня мы с Володей еще потихоньку торговали, добавив в копилку сотни три-четыре рублей, а к обеду забежала Вера, поприветствовала нас, сказала, что пришла убедиться, что мы на том же месте и пообещала с наступлением темноты прийти вместе с Варей.

– По всему видать, понравилось девushкам, – сказал я напарнику, когда она ушла. Володя хохотнул:

– Ага, они нам скоро как жены будут.

В половине пятого, выбритый и соответственно одетый, я дал Володе несколько ценных указаний, а сам, выскочив из вагона, отправился в магазин, где купил две бутылки коньяка

«Десна» (другого в продаже не оказалось) и килограмм развесных шоколадных конфет, затем все это уложил в спортивную сумку, после чего направился в уже знакомую мне столовую. Я шел, что-то напевая себе под нос, снежок вкусно хрустел под ногами. Завидев впереди по ходу вывеску столовой, я обрадовался, теперь она уже не казалась мне неприветливой. Обойдя столовую вокруг в поисках служебного входа и обнаружив его, я решил внутрь не заходить, а покурить и подождать хозяйку снаружи, так как время приближалось к пяти. Вдоль почти пустынной в этот час улицы на столбах зажглись тусклые желтые фонари; прохожие, обходя сугробы, торопились в свои уютные теплые квартиры; редкие автомашины, поднимая за собой облака снежной пыли и, знобко мигая фарами, неслись по своим делам, а я прогуливался вдоль здания и похваливал себя за то, что надел теплые зимние сапожки, – на улице к этому времени стало заметно холоднее.

Наконец открылась дверь, из которой вышла Нина, она была в пальто вишневого цвета с воротником, следом за ней вышла еще одна женщина, возрастом постарше Нины, обе несли в руках тяжелые сумки. Щелчком отправив окурок в сугроб, я шагнул им навстречу, Нина, узнав меня, растерянно улыбнулась, остановилась, опустила сумки на снег, и сказала:

– А мы с сестрой, вот, решили мяса домой купить.

– А как же тогда быть со мной? – спросил я. – Вы же меня ужином обещали накормить.

Нина беспомощно оглянулась на сестру, и тогда я решил прийти ей на помощь.

– Шучу-шучу, давайте-ка я вам сумки помогу домой донести, а там видно будет.

Так я хотя бы узнаю где она живет, подумал я, подхватывая с земли оказавшиеся довольно тяжелыми сумки. А там, глядишь, договоримся о чем-нибудь более интересном, чем просто ужин.

Дорогой женщины обсуждали свои рабочие дела, затем семейные (сестра Нины, Надежда, как я понял из их разговора, тоже работала в местном общепите, только в другой должности – буфетчицей), потом они заговорили о детях, а я, поругивая про себя неподъемные сумки, которые напросился нести, шел чуть позади и помалкивал. Через полчаса доброго хода мы подошли к небольшому частному домику с невысокой оградой и несколькими чахлыми деревцами вокруг него, остановились, и я, почувствовав какое-то напряжение в разговоре моих попутчиц, понял, что они говорят обо мне. Я напряг слух, желая послушать, о чем разговор, но в этот момент Нина подошла, отвела меня в сторонку, и быстро, в самое ухо зашептала: «Савва, ты сможешь прийти сюда позже, ближе к одиннадцати, когда сестра домой уйдет и дети уснут?»

– Отчего же нет, смогу, конечно, – также шепотом ответил я, передавая ей сумки, а заодно и мой пакет с джентльменским набором. Нина, подхватив все это поудобнее, направилась к дому, а я размашистой походкой пошагал назад, стараясь запомнить названия и расположение улиц.

Вернувшись в вагон, я застал Володю за работой: клиенты то и дело подходили за выпивкой, и он еле успевал их обслуживать. Следующие несколько часов мы трудились напряженно, в четыре руки, пока ручеек наших клиентов не иссяк. Нет, полностью, к нашей радости, он не иссякал никогда, клиент, алчущий вина, мог подойти и в два и в три часа ночи, но это уже были единичные случаи.

– А что наши дамы, не появлялись? – спросил я Володю, когда мы прикрыли дверь и присели отдохнуть.

– Появлялись. Моя в 18.00 на смену заступила, а твоя, увидев, что тебя нет, застеснялась, сказала, к одиннадцати ночи подойдет.

– Боюсь, в это время меня тоже не будет, справишься вместо меня, если что? – усмехнулся я.

– Ну, если она не будет против, то постараюсь, конечно, – поддержал шутку Володя.

3

К одиннадцати часам, вторично проделав уже знакомый мне путь, я вновь оказался у дома симпатичной заведующей производством Нины. Однако едва я собрался постучать в освещенное окно дома, за которым видимый сквозь занавески уютно голубел телеэкран, как мое плечо сковала чья-то крепкая рука, а какая-то холодная железяка уткнулась мне в щеку:

– Стой тихо и не шевелись.

Не успел я понять, что это был ствол пистолета, как меня с силой повернули и ткнули спиной в стену дома, и чей-то густой бас спросил:

– Этот, что ли?

– Он, товарищ капитан, – ответил ему другой голос, тоном повыше.

– На кагэбэшника вроде не похож, – сказал первый, – наврал, значит.

– Да проводник это, из Молдавии, – со смешком сказал второй, – я его у вагона на станции видел.

Уборщица уже успела кому-то о нашем с ней разговоре разболтать, понял я.

Чьи-то опытные руки быстро ошмонали меня с головы до ног, после чего мне было приказано повернуться и, не делая резких движений, шагать вперед. Я решил не дергаться, хотя абсолютно не понимал, что именно происходит, и почему меня арестовывают, ведь никакого преступления я не совершал. Хорошо хоть это были милиционеры, а не муж Нины, например, который мог сбежать из зоны, как показывают в фильмах, думал я, шагая между двух здоровенных мужиков, которые поддерживали меня под руки. Минутой позже меня втокнули в милицейский «уаз» и машина отправилась в путь, то и дело подскакивая на неровностях дороги.

Как-то там Володя без меня сам в вагоне управится, было первой здоровой мыслью после небольшого шока, вызванного у меня видом пистолета. Впрочем, последовавшие вслед за этим события уже не оставляли мне времени думать о Володе, мне предстояло подумать о себе. Прибыли на место, которое оказалось стандартным двухэтажным зданием РОВД, и меня без всяких бюрократических проволочек затолкали в «обезьянник», предварительно отобрав паспорт и деньги. В желтом неярком свете, я сумел наконец хорошо разглядеть людей, схвативших меня около дома Нины. Первый, обладатель густого баса, был яркий брюнет лет тридцати пяти, среднего роста и плотного сложения. На щеке у него был длинный грубый шрам от уха до самой скулы. (Вскоре мне предстояло узнать, что и кличка у этого милиционера была «Шрам»). Он был в форме, и на его погонах поблескивали четыре звездочки, значит, это и был капитан. Второй был в гражданском, ростом он был повыше первого, но худощавей, этот был блондином и лицо имел, в отличие от своего напарника, маловыразительное.

«Обезьянник», в который меня запихнули, представлял собой небольшое помещение в два с половиной метра шириной и шесть метров длиной, в торцевой части которого была решетка с дверью посередине; у стены стояла длинная металлическая скамейка. Вонь в этом месте была устоявшаяся, специфическая, да и фигуранты, уже находившиеся здесь до моего прихода, не отличались чистым видом: это были трое бомжей, выловленные, очевидно, в одном из колодцев теплоцентрали, так как одежда их, и без того рваная и нечистая, была вся в пятнах мазута, да и лица, сверх меры заросшие естественной растительностью, были покрыты такими же пятнами. Возраста все трое, судя по их внешнему виду, были в пределах от 50 до 70, но, как известно, с таким как у них образом жизни, подобный вид можно приобрести и в сорок и даже в тридцать лет. Один из них сунулся было ко мне с вопросом: «Курить есть?», при этом его качнуло и он чуть ли не упал на меня, на что я ему ответил: «Нет, не курю», слегка оттолкнул от себя и посоветовал держаться от меня подальше.

Прошло где-то с полчаса с начала моего ареста, и я уже стал понемногу раздражаться от пахучего соседства, а также от осознания нелепости моего содержания здесь, но долго мне

в этой компании куковать не пришлось: дверь «обезьянника» отворилась и уже знакомый мне блондин в гражданском, а с ним еще какой-то сержант в форме, вывели меня наружу и повели в какой-то кабинет, расположенный на втором этаже здания. Капитан Шрам сидел за большим письменным столом и что-то писал. Меня посадили на стул спиной к сейфу по другую сторону стола, сержант ушел, и я вновь остался со своими обидчиками с глазу на глаз.

– Ну что, молдаван, вляпался ты, не позавидуешь. Я бы сказал, хуже некуда, – уставившись на меня тяжелым взглядом карих глаз, проговорил Шрам. В голове моей в один миг пронеслись все прегрешения, совершенные мной в последнее время, а он тем временем продолжал: – Ну-ка, расскажи мне все по порядку, почему людям работником КГБ представляешься, сколько вина по дороге сюда, в Башкирию, продал, скольким гражданам своим пойлом здоровьем подпортил и сколько денег у тебя в вагоне припрятано. Давай, выкладывай, да все начистоту, времени у нас с тобой впереди много.

– Только я чего-то не понял, гражданин капитан, – услышал я собственный голос и сам удивился, что говорить начал раньше, чем соображать. – Вы что, ОБХСник, чтобы такие вопросы задавать, или доктор какой, что за здоровье граждан беспокоитесь?

– Да, я твой доктор, – ответил Шрам грубо. – Можно сказать, почти профессор. Я лечу общество от таких как ты, преступников. Тебе придется рассказать мне все, как есть, иначе ближайшие десять лет не увидишь молдавского неба над головой.

Чувствительный удар, подумал я, причем ниже пояса, и он, что называется, прошел, потому что где-то под селезенкой у меня от этих слов больно екнуло. Но я сглотнул слюну и попытался держаться молодцом.

– Так вы бы сказали, в чем меня конкретно обвиняют, мне бы было легче вам все объяснить, – сказал я.

– Ты же знаешь, молдаван, – сказал капитан, – что в наше советское время прочтение презумпции невиновности гласит так: «Был бы человек, а статью мы ему всегда найдем». Или подберем, чтобы тебе было яснее.

– Понятно, – кивнул я. – Яснее и быть не может. И все же мне кажется, что здесь кое-что не мешает уточнить.

Блондинистый мент в гражданском незаметно вышел из помещения и я остался со Шрамом один на один.

– Хочешь сказать, что вино ты не продавал? – задумчиво спросил меня Шрам.

– Э-э-эх, был грех, гражданин капитан, только грех этот небольшой, так себе, грешочек, на еду хотел себе заработать, – стараясь попасть к нему в тон, сказал я.

– А с заведующей столовой №3 Ниной Ермоловой какие у тебя отношения? – задал новый вопрос капитан.

Э, да тут, никак, личный интерес имеется, почувствовал я в его тоне новые, затаенные нотки. Такое положение дел меня несколько расстроило, но одновременно и обрадовало. Расстроило, потому что я уже понял, что не добиться мне благосклонности шефповара Нины. А обрадовало, потому что теперь я был почти уверен, что выкарабкаюсь.

– Отношения вполне естественные, то есть сугубо материальные, – решил я идти напропалую. Ведь капитан – уголовщик, сотрудник уголовного розыска, и вряд ли это его работа – проверять столовые и работников общепита.

– Что значит «материальные»? – явно заинтересовался он, усаживаясь на своем стуле поудобнее и вперяя в меня взгляд своих немигающих карих глаз.

– Обычное дело. Мяса я хотел купить. В дорогу, – сказал я как можно беззаботнее. – В магазине, как вы знаете, не достать хорошего, а я раньше в общепите работал, вот и решил... помощью коллеги в этом деле воспользоваться. Но, как видно, – тяжело вздохнув, продолжил я, – не судьба. Милиция теперь настолько оперативно работает, что знает наперед все прегрешения любого советского труженика, так сказать, видит их перспективу.

– Откуда ты знаком с Ниной? – вновь спросил капитан, не обращая внимания на мои подколки.

– Сегодня, вернее уже вчера во время завтрака в столовой мы и познакомились, – бросив взгляд на часы, висевшие на стене, которые показывали половину первого ночи, ответил я.

– По какой такой привилегии ты находился там и кушал завтрак в ее кабинете? – задал он новый вопрос.

– А... это. Так я же вам уже сказал: я работал раньше в общепите, так что мы с ней хоть и бывшие, но коллеги, общий язык сразу нашли.

– А... сейчас, ночью ты к ней направлялся за мясом, что ли?

– Ну да, – ответил я. – Понимаете, днем я это мясо помог ей поднести домой. (Насколько я понимал, Нина находится в каких-то отношениях со Шрамом, поэтому, решил я, она, для своей же пользы, подтвердит сказанное мною). А вечером хотел забрать, так как днем, сами понимаете, на работе коллеги, а дома соседи, глаза, уши, и всякие другие, в том числе внутренние органы.

– Вот-вот, – воодушевился моими словами и даже как будто приободрился Шрам, – что ты там хотел сказать насчет других органов?

– А теперь скажу тебе кое-что, как мужчина мужчине, капитан. Даже если у меня и были какие-нибудь мысли насчет «органов» – если, конечно, мы говорим об одном и том же, – решил я играть с ним в открытую, – так после нашего разговора все эти мысли пропали раз и навсегда.

– Навсегда ли? – не поверил Шрам.

– Можете не сомневаться. Сами подумайте, на черта мне с вами связываться? Мой важнейший орган – голова, капитан, – сказал я, – и я хочу, чтобы этот орган, то есть, мыслящий, оставался целым в первую очередь, а уж другие органы при соблюдении главного условия можно применить в любом другом месте.

– Мудро рассуждаешь, – согласился капитан. – Так ты мне, значит, хочешь сказать, что постарайся не расстраивать меня и не попадаться больше на глаза.

– Рад, что вы меня правильно поняли. Даже с голода буду умирать, а в эту столовую больше не зайду, да и так бы не зашел, если бы знал о вашем существовании.

– И вино больше не будешь продавать?

– Продавать не буду, а вас, если хотите, могу угостить, только заранее предупреждаю – оно невкусное, полуфабрикат, пойло, одним словом.

– Хорошо, молдаван, – сказал он вставая. – Знай и помни мою доброту. Шрам никого и никогда даром не наказывает. Я пошлю с тобой человека, наполни ему тару, что будет при нем.

– Договорились, – повеселел я и пожал протянутую капитаном руку. Он задержал мою ладонь в своей руке и сказал негромко, глядя мне в глаза:

– Эта женщина дорога мне, парень, но у нее есть муж, который сидит за убийство, а у меня жена, так что ты, надеюсь, понимаешь, что между нами все не так просто. Впрочем, – хлопнул он меня по плечу, – тебе эти подробности знать необязательно, ты здесь человек посторонний и случайный.

– Верно, случайный и посторонний, – эхом отозвался я. – Нынче здесь, завтра там.

Когда я, покинув здание РОВД, вышел на улицу, звездное небо, встретившее меня за порогом здания, показалось самым прекрасным из того, что я видел когда-либо в жизни. Оно было бесконечно огромным, и не в клеточку, то есть без решеток. Добравшись до вагона все в том же «уазе», я налил сопровождавшему меня сержанту-водителю вина в канистру, грелку и даже в графин и термос – ему лично, – затем проводил уезжавшую машину взглядом, после чего, переодевшись, стал подробно рассказывать Володьке обо всех своих приключениях и ночных передрягах. Он только посмеялся. Выговорившись, я успокоился, и мы завалились спать, так как на часах было уже около четырех утра.

4

Следующий день в нашем положении ничего не изменил: мы потихоньку подторговывали вином, милиционер, дежуривший на вокзале, получил от меня 25 рублей и теперь прохаживался по перрону взад-вперед, делая вид, что не замечает ни вагона, ни клиентов, суесящихся вокруг него. Уже ближе к обеду к нам среди прочих наведалься семейная пара, которая несколько раз и прежде приходила за вином, причем все это время они были вдвоем, не расставаясь. Слово за слово мы разговорились. Ему было чуть меньше тридцати, ей 25. Они рассказали, что у них есть собственный домик совсем рядом с вокзалом, всего в четырех кварталах от места нашей стоянки. Имена у наших новых знакомых были забавные: его звали Поликарп, ее – Ева.

После того, как я налил своим собеседникам по баночке «за знакомство», мы с Володей были приглашены искупаться в домашней баньке. По-черному. Я тут же с радостью согласился, а Володя сказал, что ждет со смены Веру и поэтому останется в вагоне. Поликарп на радостях понесся домой топить баньку, а я в сопровождении его супруги Евы, женщины, приятной лицом и пышной телом, отправился следом. Канистра на пять литров слегка оттягивала мне руку, в карман куртки на всякий случай я сунул бутылку водки. Дорогой мы с Евой разговаривали за жизнь, и я, плотоядно поглядывая на нее, уже не жалел больше, что пролетел вчера с Ниной – женой убийцы-уголовника и ментовской любовницей, то есть объектом довольно опасным для ухаживания.

Домик, в котором жила молодая гостеприимная пара, оказался небольшим, но уютным: он состоял всего из двух комнат и кухни, правда, кухня была довольно большая и удобная, с настоящей русской печью. Пока Поликарп суетился во дворе, растапливая баньку, Ева нажарила огромную сковороду картошки на сале, достала из подвала бочковых соленых огурчиков, капустки, грибов и трехлитровую банку компота из каких-то местных ягод. Затем поставила передо мной рюмку под водку, себе взяла бокал – для вина, и мы, продолжая наш нехитрый разговор, стали понемногу выпивать и закусывать. Пару раз за это время забегал запыхавшийся Поликарп, опрокидывал стакан вина или рюмку водки, после чего возвращался к своим делам. Наконец он объявил, что банька готова, и тогда я вышел на улицу и осмотрелся. На заднем дворе, за полутораметровыми белоснежными сугробами неподалеку от бревчатого сарая пряталась серого цвета каменная банька, над которой вился легкий парок. За банькой в нескольких метрах имелся забор из штакетника с калиткой посередине; за ним, буквально в нескольких шагах, змеилась узкая, метров в пять-шесть шириной речушка, в некоторых местах очищенная от снега; кое-где на протяжении ее напротив домов виднелись вырубленные во льду проруби. Разделись мы в сарайчике донага, и Поликарп сказал мне:

– Готово, заходи первым.

Я задумался, потом сказал:

– Давай-ка хозяин, ты будешь первым, а я уж как-нибудь за тобой.

– Хорошо, – легко согласился тот и, открыв дверь, нырнул внутрь. Тут только я обратил внимание, что верхняя планка двери приоткрыта, и из нее наружу выбивается сероватый дымок. Это и называется банька по-черному, догадался я, так как печь здесь не имеет трубы и весь угар не вытягивался наружу, а оставался внутри. Почему-то, перед тем, как зайти, я почувствовал легкий мандраж: я никогда еще не парился в баньке по-черному. Хозяина не было видно минуты три-четыре, и я уже успел немного продрогнуть, когда дверь отворилась, и наружу пыхнуло облако пара. Затем из облака появилась взлохмаченная голова, и Поликарп махнул мне приглашающе:

– Ну что же ты стоишь, забирайся сюда, а то весь кайф пропустишь.

Вдохнув побольше воздуха, я шагнул внутрь и закрыл за собой дверцу. Первое впечатление было такое, что я попал прямиком в преисподнюю – здесь жар ощущался физически, он, казалось, был материален.

– Пригнись, – услышал я голос Поликарпа и тут же опустился, почти рухнул на пол, к спасительной прохладе кафельных плиток, покрытых деревянной решеткой. Я парюсь капитально с 14 лет, не менее одного раза в неделю, а по возможности и чаще, как-то раз на спор вошел в парную спорткомплекса и просидел целую минуту при температуре 160°C, если термометр не врал, а тут, признаюсь, едва не сник и первым моим желанием было тут же броситься вон, на улицу. Минуты две-три я приходил в себя, пытаюсь восстановить нормальное дыхание, попутно разглядывая закопченные стены и потолок.

– В рост не становись, может быть угар, надышишься, потом будет голова болеть, – предупредил Поликарп, протягивая мне ковшник с прохладной водой. Спустя несколько минут я возопил о перерыве, и мы с Поликарпом как были гольшом, так и выскочили на улицу, и адская дверь, казалось, с сожалением захлопнулась за нами. Но это был, как я теперь понимал, только первый круг ада. Бегом мы направились к калитке, ведущей к речке. Поликарп не успел еще установить лесенку в проруби, прорезанной во льду размером примерно полтора метра на полтора, как я уже окунулся в нее, причем сразу с головой. Затем вынырнул и стал отфыркиваться. Господи, сколько раз, наблюдая по телевизору, как наши советские люди то и дело окунаются в ледяную воду, рассказывая при этом, сколько месяцев и лет они для этого закалялись, я посмеивался, зная, что это не по мне, и что меня на такой подвиг не за какие коврижки не соблазнишь, не подвигнешь, а сам...

– Хватит, вылезь, – послышался голос Поликарпа и я послушно полез наружу, на этот раз держась за импровизированную лесенку, чтобы не упасть на кромку льда и не порезаться. Обратный путь к баньке занял у нас всего несколько секунд, и теперь даже предстоявший нам второй круг ада казался мне ничем. Мы преодолели этот путь по-прежнему нагишом, не замечая ни прохожих, сновавших по улице буквально в трех десятках шагов от нас, ни Еву, стоявшую на пороге дома и добродушно посмеивавшуюся над нами. После второго захода в парную я уже не торопился к проруби, а плюхнулся раскаленным животом в искрящийся на солнце сугроб и застыл с этой позе на несколько минут. На третий раз Поликарп высек меня березовым веником, доведя кожу моего тела до хрустящего состояния, после чего нам вновь пришлось окунуться в прорубь. Потом мы мыли головы, терлись мочалом, окуная его в емкость с горячей мыльной водой; закончили процедуры полосканием.

Лишь когда мы с Поликарпом, уже одетые, сели за стол и подняли наши рюмки, чтобы выпить за здоровье, я поверил в то, что жив и в порядке.

– А где хозяйшка наша, Ева, – спросил я его, выливая остатки водки себе в рюмку. – Надо выпить за здоровье хозяйки.

– Тоже купается, – усмехнулся он, поднимая на меня осоловевшие глаза, – снимает за нами сливки.

Когда Ева, распаренная, как сдоба, вся розовая, с распущенными до пояса светло-русыми волосами, появилась в доме, Поликарп, уединившись в глухой, без окон, расположенной рядом с кухней комнатухе, похожей на шкатулку и служившей, как я понимал, кладовой, уже спал, причем уснул там прямо в одежде на узком топчане. При виде Евы в одном халате, накинутом на голое тело, у меня где-то чуть пониже пупка, началось томление.

– Пойдем со мной, – поманила она меня рукой, направляясь в спальню.

Я встал, ноги меня сами понесли за ней, но у двери я остановился.

– Ну, что же ты, иди ко мне, – вновь позвала она меня, сбрасывая с себя халат и обнажая крупное, ядреное, словно наливное яблочко тело.

– Не-а, не могу я так, – прошептал я, почему-то вспомнив в эту минуту нашего Валеру Карпина и всякие другие случаи супружеских измен с последствиями, не говоря уж о треволнениях минувшей ночи, и махнул рукой в сторону кладовки. – А муженек твой как же?

– Он теперь будет спать там до самого утра, не просыпаясь, – уверенно сказала она. – Так что иди, не бойся.

Я, не поверив ей, сходил в кладовку и несколько секунд понаблюдал за спящим: похоже, она была права, Поликарп спал глубоким сном.

– А почему он в спальню не пошел, а завалился в кладовке? – сбрасывая с себя вещи, спросил я Еву, уже лежащую в постели.

– Он всегда там спит, – ответила она, и, увидев недоверие, написанное на моем лице, добавила: – Писается он, с самого детства писается, чего тут непонятного, поэтому я его к себе в постель и не пускаю.

Я отбросил одеяло, укрывавшее Еву, глубоко вздохнул и бросился в ее, открывшиеся мне навстречу горячие объятия, обещавшие то ли четвертый круг ада, то ли чистилище, а может – вдруг и на самом деле? – райское наслаждение.

– Принимай меня, люби меня, Ева – первоматерь человеческая.

5

В вагон я вернулся ранним утром, еще до восхода, а в восьмом часу маневровый дизель потянул нашу «двойку» на винзавод.

Работники лаборатории, хоть и не очень профессионально, но оперативно взяли анализы, затем рабочие стали сливать «спец». Я стоял на вагоне и следил за работой центробежного насоса, шланг которого был опущен в цистерну через верхний люк. На большинстве винзаводов вино сливают через нижнюю трубу, и при таком способе слива в цистерне, естественно, ничего не остается, при сливе же через верх возможны варианты, одним из которых я и попытался воспользоваться. Заглянув внутрь, я крикнул рабочему: «Все, вынимаю, по дну скребет», приподнял шланг и вытянул его наружу. Через минуту, поняв, что в цистерне могло еще остаться значительное количество вина я, слегка испугавшись, шепнул напарнику, чтобы он не открывал смотровой люк, который находится в отсеке, потому что, заглянув в него, можно было определить наличие остатков вина и даже его примерное количество, причем это мог сделать любой из работников завода. Однако все прошло благополучно и я, осмелев, точно такой же финт проделал, когда мы скачивали вторую цистерну «спеца», решив: была не была, воровать, так миллион, как говорится. На следующий день слили «бандуру», все прошло чисто и гладко, а в конце дня мы получили на руки документы, удостоверяющие, что все в порядке, а уже к ночи наши вагоны вытянули за пределы завода и отогнали за город для формирования в состав и отправки в западном направлении. Хотя у нас еще оставалось вино, которое мы бы могли продавать, и была возможность задержаться в этом гостеприимном городе еще на пару дней, мы с Володей, взвесив все за и против, решили все же уехать; а вино можно было и по дороге продать. Перед отправлением закупили кое-какие продукты и пару бутылок коньяка. Рессоры в такт движению весело перестукивали, мы были сыты, расслаблены и слегка пьяны, и мне только и оставалось дорогой, что вспоминать изобильную любовными соками Варю и горячие объятия Евы. Прощай и ты, недостижимая Нина, взгляды твои были так многообещающи, да вот только милиционер твой злобный и ревнивый разрушил мою тягу к тебе.

6

Но почивать на лаврах было рано, так как наш обратный путь обещал быть хлопотным: по моим, самым скромным, расчетам, в цистернах осталось около двух с половиной тонн вина, которое необходимо было как можно быстрее продать или же, о чем обидно было даже думать, избавиться от него другим способом – вылив на рельсы, сделав это, понятное дело, только в случае возможной милицейской проверки. Впрочем, по большому счету эти хлопоты, согласитесь, были приятными. Пока же наш состав держал путь на Москву, и мы круглые сутки, где только предоставлялась такая возможность, продавали наше вино, еле успевая доводить его до кондиции во флягах, а его, казалось, не убывало.

В соседней с нашими вагонами теплушке ехали солдаты, перевозившие, по их же собственному утверждению, какое-то секретное военное оборудование. Командовал солдатами прапорщик, в заместителях у него ходил сержант, остальные шестеро военных были рядовыми. Чуть ли не ежечасно прибегая к нам за вином, солдатiki в два дня перетаскали в наш вагон весь свой сухой паек и наличные деньги. Кстати, я так и сказал в назревшем разговоре с прапорщиком, что в их деньгах и сухом пайке не нуждаюсь, мне чисто по-человечески этих мальчишек спаивать неохота. Однако прапорщик успокоил нас, сказав, что он уже дал в свою часть телефонограмму, и в Москве их припасы будут пополнены, а вино – это единственная радость для солдата срочной службы. На третью ночь нашего путешествия мы с Вовкой проснулись оттого, что где-то совсем рядом прогремела автоматная очередь. Мало сказать, что мой напарник испугался, нет, он был в шоке, так как, сидя в тюрьме, ему как-то раз пришлось быть среди тех, кого усмиряли во время зековского бунта. Выждав несколько минут, я осторожно приоткрыл дверь и, увидев между путей знакомого нам сержанта из теплушки, державшего в руках автомат, окликнул его. Я очень боялся, что у кого-то из солдат от вина поехала крыша, и он открыл огонь по своим или еще по ком-то, но сержант объяснил мне, что кто-то посторонний, воспользовавшись стоянкой поезда, взобрался на нашу цистерну и пытался ее вскрыть, а солдатик, находившийся на посту, заметил это и открыл огонь. Тем временем, пока мы разговаривали, между вагонами забегали милиционеры, ВОХРовцы, затем стали суетиться еще какие-то гражданские, однако разбор происшествия, к моему удивлению, занял не более десяти-пятнадцати минут, так как оказалось, что военные, которые действительно везли в своем вагоне какие-то важные приборы, имели приказ стрелять при любой попытке проникновения в их вагон. Ну, а то, что предполагаемый вор находился во время стрельбы не на их теплушке, а на нашей цистерне, как-то не обсуждалось; к тому же пострадавших не оказалось, и дело быстро замяли. Я не стал объяснять солдатикам, что, даже вскрыв цистерну, вору вряд ли добрались бы до вина, болтавшегося в минимальном количестве на самом ее дне, а выдал им на всех премиальное ведро вина – за проявленную бдительность.

Под Москвой наш состав был раскомплектован и мы попрощались с несчастными солдатиками, у которых за три с лишним дня беспробудной пьянки лица попухли и даже поменяли цвет. От Москвы им теперь предстояло добираться в Белоруссию, а наш путь лежал на юго-запад, в Молдавию.

Приятно, конечно, было думать о возвращении домой, однако нам такой расклад не подходил, ведь требовалось еще реализовать остатки вина. Ну, а где, вы спросите, можно произвести такую операцию, как не в пределах Москвы? Итак, я со всем азартом предпринимателя ударился в поиск вариантов, и к концу дня мне наконец подсказали, где и к кому я могу с этим вопросом обратиться. Потребовалось отлить три ведра вина посреднику, затем еще ведро диспетчеру, который, сменив поездные документы, переадресовал наши вагоны на какую-то подмосковную базу. После долгих пертурбаций наш вагон загнали в глубины какого-то полустанка, где находились сотни вагонов, в основном с продовольственной продукцией, которые на десят-

ках платформ грузились, разгружались и перегружались, и называлось это все оптово-розничной областной снаб-сбыт-и-черт-его-знает-ещё-какой базой.

Несколько часов у нас заняли поиски покупателя на наше вино, и, когда мы, разочаровавшись, уже были готовы отдать его оптом по рублю за литр или же слить к чертовой матери на землю, нам наконец повезло: подошел клиент, с виду солидный, и с ходу назначил цену: 1 рубль 65 коп. за литр. Обговорив с клиентом все детали, мы слили остаток нашего вина в оперативно выставленные на рампу бочки. Всего мы наполнили 14 бочек емкостью по 200 литров, что составило 2800 литров. Покупатель, которого звали Яков Захарович, отвел меня в сторону и сказал:

– С меня вам причитается 4620 рублей. Я не буду тебе рассказывать, сынок, что мы могли бы повернуть одну хорошую шутку с милицией: один звонок и пришли бы люди в форме, и тогда вы бы не получили ни копейки, и еще радовались бы, что унесли ноги...

– Дорогой вы наш Яков Захарович, – перебил я его, – не стану вам рассказывать, что в таком случае вы бы не дожили до завтрашнего утра. И это, заметьте, была бы вовсе не шутка.

Яков Захарович побледнел, но минутой позже уже справился с собой и даже сумел угоризить меня округлить сумму до четырех тысяч.

– Будьте ко мне снисходительны, – сказал он, улыбаясь, – и я буду добр с вами. В знак уважения я хочу вас пригласить на небольшое торжество в кругу друзей. Соглашайтесь, не пожалеее, вход вон там, – и он указал нам с Володей на какой-то склад в углу рампы, затем передал мне пакет, в котором лежали четыре пачки красненьких десяток. – Видите ли, у меня сегодня день рождения, юбилей. Полтинник стукнуло. Я приглашаю вас в качестве моих почетных гостей. Там будут только самые близкие. Ровно через час жду вас на этом же месте. Приходите, буду рад.

Мы поблагодарили его за предложение, сказали, что в указанное время будем там, где указано, после чего отправились к вагону.

– Считаешь, стоит нам идти на эту пьянку, или это какой-то отвлекающий маневр, чтобы завлечь нас во что-то бедовое? – обратился я к Володе.

– По логике, конечно, выходит, что идти не стоит, но мы спрячем наши деньги и все-таки пойдем, а если начнутся тухлые дела, то я этого Яшу..., – Володя соорудил зверское лицо и чиркнул кончиками пальцев по горлу, – завалю первым, а потом и еще кого-нибудь из его друзей прихвачу за компанию.

– Есть еще один вариант, – сказал я, морщась от его слов. – Самый благоразумный. Бросить вагоны и свалить отсюда с деньгами, а потом, когда вернемся домой, сказать что потерялись, пока в столовке обедали, а вагоны тем временем услали неизвестно куда.

– Тоже выход, – согласился со мной напарник. – Но... это уже на крайний случай.

После десятиминутных дебатов мы все же решили пойти на именины. И всё из-за мучительной скуки, в которой мы пребывали большую часть времени. Искупались, побрились, расчесались. Затем поделили все деньги, которых набралось семь с лишним тысяч, пополам, каждый спрятал свою долю так, как считал нужным, – я свои упаковал в плотный пакет, который затем со всеми предосторожностями сунул в кучу мусора неподалеку от вагона и придавил тяжелым камнем, – после чего мы с Володей вновь сошлись вместе и отправились в указанное Яковым Захаровичем место.

Именинный вечер удался на славу, и мы действительно не пожалели, что пришли. В центре склада, в какие-нибудь полчаса превращенном в настоящий банкетный зал, были выставлены столы, которые ломались от дефицитных продуктов и разнообразной, в том числе импортной выпивки. В углу помещения на настоящем гратаре жарилось мясо сразу нескольких видов – баранина, свинина и говядина, разнося по всей округе необыкновенные ароматы; этим делом тут заведовал огромный волосатый грузин по имени Сосо. Все остальное – сервировка, закуски и напитки было на ответственности Клавы – молодой, фигуристой и бойкой

девицы с бешеными глазами и огромным бюстом, с которой мы тотчас же по приходу поспешили познакомиться.

– А кем ты здесь работаешь, котик? – ласково спросил ее Володя, проведя ладонью по бедру девицы.

– Кладовщицей. Извините, я пока пойду, много хлопот, позже еще пообщаемся, – открыто улыбнулась она ему и побежала по своим делам.

– Видал, какая шмара центровая? – спросил меня Володя. – Давай после банкета уволом ее в наш вагон, тогда и шестисот потерянных рублей не жалко будет.

– Давай, – согласился я, – только после банкета, боюсь, будет уже поздно, лучше сделать это в процессе.

Всего гостей набралось не более полусотни – в основном работников соседних складов и баз: это были обыкновенно одетые, но солидно выглядевшие работники торговли с холеными и самоуверенными лицами, так хорошо мне знакомыми по предыдущему месту работы, а трудился я прежде, как вы знаете, в общепите при городском торге. Женщин, кроме Клавы, было всего четыре, и наверняка все они были коллегами Яков Захаровича. Дамочки эти, надо признать, были совсем не симпатичные, да и возрастные уже – в районе сорока, а то и с лишним. И, соответственно, бока, животы, ноги – всё вдвое крупнее против нормы. У каждой из них, словно это был некий обязательный атрибут, на пальцах имелось множество золотых колец с огромными разноцветными камнями; цепочки и сережки также наличествовали. Впрочем, невзирая на явный недостаток дам, банкет получился что надо: мощный японский музыкальный центр выдавал веселые мелодии, то и дело открывалось шампанское и летели в потолок пробки, каждые две-три минуты звучал новый тост, произносимый кем-либо из гостей, рекой текло вино, водка, коньяк и виски. Да-да, и виски. Какой-то «Блек лебел», я сам вычитал это название на этикетке.

Я сидел на противоположном от именинника полупустом краю стола, подальше от говоривших тосты и поминутно лобызавших его гостей, и с удовольствием поглощал невероятное количество жареного мяса, которое заедал разнообразными салатами, то и дело опрокидывая в себя рюмку виски. Хотя я знал, как правильно следует пить виски – из небольшого и невысокого стакана, смешивая со льдом или водой, желательна содовая, то есть, по нашему, из сифона, но рюмкой – безо льда и воды мне казалось удобнее и привычнее. Володя, в отличие от меня, пил только шампанское и то понемногу. На первый взгляд, каждый на этом банкете вроде был предоставлен сам себе и в то же время ни о ком здесь ни на минуту не забывали – то Клавочка подбежит, спросит, не надо ли чего, то сам хозяин подойдет, обнимет, попросит не стесняться и веселиться. И веселья хватало: Сосо, старший товаровед базы, кроме того что мастерски готовил мясо, оказался настоящим тамадой, – шутки и анекдоты поминутно слетали с его языка.

– Послушайте, уважаемый, – прикоснулся я рукой к локтю своего соседа, грузного мужика среднего возраста с вялым неинтеллигентным лицом, – а почему день рождения, тем более юбилей, гуляется здесь, а не где-нибудь в более подходящем месте?

– А вы что, молодой человек, не в курсе? – полуобернувшись ко мне, заговорил сосед, уставившись на меня тяжелым немигающим взглядом. – В субботу в банкетном зале ресторана «Арбат» мы будем гулять настоящий юбилей, я, во всяком случае, приглашен. Там будет начальник управления торгового дела, а то, глядишь, и замминистра РСФСР по торговле. А это... так, разминка перед ним. Исключительно для коллег и сотрудников.

Я поблагодарил его, затем поочередно оглядел участников застолья и вдруг обнаружил, что моего напарника Володи нигде не видать; за столом, кроме него, отсутствовала также Клава – в шутку прозванная Сосо королевой бала. Я несколько встревожился и отправился искать своего напарника, подозревая, что не случайно он исчез одновременно с Клавой. Впрочем, долго мне их искать не пришлось: я обнаружил эту парочку в небольшой кладовке в самом

дальнем и темном углу помещения, куда даже звуки музыки едва долетали. Дверь в кладовку не была заперта, просто прикрыта. Конечно, из-за темноты я никого не увидел, зато услышал сладострастный шепот: «Еще, Вовчик, еще» и понял, что это Владимир с Клавой развлекаются. Не обращая на меня внимания, – а ведь они явно заметили, что кто-то вошел, – они продолжали заниматься своим делом. С трудом разобравшись в темноте кто есть кто, я разглядел наконец в одном шаге от себя голову Клавдии, а Володя, уложив ее животом на стол, машет сзади без остановки и отдыха. Каким-то чудом узнав меня в почти полной темноте, он сказал:

– Клавка, ну-ка займись моим товарищем. – И мне: – А ты, Савва, давай, пристраивайся спереди.

Едва я сообразил, о чем это он говорит, как быстрые шальные руки Клавдии расстегнули мне брюки, вытащили наружу «удальца» и сухие горячие губы сомкнулись на нем. Что же, теперь поневоле приходилось соответствовать, и я принял участие в этом акте групповой любви.

Когда десятью минутами позже мы вернулись к столу и присоединились к гуляющим, никто, казалось, не обратил внимания ни на нас самих, ни на то, что мы какое-то время отсутствовали.

Часы показывали полночь, когда мы с Володей собрались уходить. Поодиночке потихоньку мы пробрались к выходу, однако незаметно, по-английски, уйти все же не удалось. Именинник, Яков Захарович тут же подошел, обнял нас на прощание – он был уже прилично подшофе, – затем потребовал, чтобы Клава нас на дорожку расцеловала, но дело, конечно, завершилось лишь неуклюжими объятиями, от поцелуев я, естественно, харю воротил, а Володька, тот и вовсе в сторонку отошел.

Тут спасая ситуацию подоспел Сосо, он протянул мне приличных размеров пакет, сказав: «Здесь жареное мясо. Я заметил, что тебе по вкусу грузинская кухня». Я благодарно кивнул. А Яков Захарович сунул мне в руки черную картонную коробку, размером чуть поменьше, чем обувная.

Виски, понял я, пожимая ему на прощание руку.

– Яков, раз ты уж такой добрый, подари нам и свою девочку, – шутливо попросил Володя, пожимая ему руку.

– Забирай, – легко согласился тот, и Володя вмиг стушевался и застеснялся: – Нет, спасибо, не надо, я пошутил, куда мне такое богатство.

Десятью минутами позже мы уже были на месте. Дорогой я успел подхватить из кучи мусора свой кулек с деньгами, который перепрятал вторично уже в вагоне; а еще через час началась подвижка вагонов, и вскоре наши вагоны, протаскиваясь сквозь все базы, сунули в хвост сборного состава и отправили на уже хорошо знакомую мне станцию Бескудниково для сортировки.

7

Утро застало нас в готовом на отправку составе; мы едва успели закупить в ближайшем продмаге продукты, а также холодное пиво для похмелья и заскочить в вагон, как он тронулся.

– Смотри, Савва, какой я лапотник нашел, – сказал Володя, прикрывая дверь, присаживаясь на топчан и доставая откуда-то снизу, из-за стопки дров пухлый, серого цвета, дорогой, крокодиловой кожи, насколько я знал, с фирменным вензелем, портмоне.

– Это ж где такие, интересно, валяются? – спросил я недоверчиво.

– В жизнь не поверишь, Яков Захарович мне его на прощание по пьяни подарил, или, вернее сказать, я его у него из пинжака вынул.

От его слов у меня потемнело в глазах и засосало под ложечкой.

– Ой дурной ты, Захар, совсем дурной, – сказал я и глухо спросил: – А денег в нем много?

– Вот сейчас вместе и проверим, – весело ответил Володя.

– Ты, Вовка, наверное, не понимаешь, с кем мы связались, – сказал я, – он же крученный как пороссячий... хвост. Пришлет ведь за кошельком кого-нибудь, ты об этом не подумал? Да не мальчишек каких-нибудь...

– Да ну, переживет как-нибудь без этих денег, – отмахнулся мой напарник, – а если пришлет кого, встретим, – его взгляд стал жестким и острым как нож.

– Посмотри, что там, – я без сил привалился к стене. – Может мелочь какая, так он и дергаться не станет.

Володя стал выворачивать портмоне и доставать из его многочисленных отделов и кармашков купюры, бумажки и накладные. Когда он все это разложил на одеяле, я застонал. Деньгами набралось 1756 рублей. Еще 2700 – чеками Внешпосылторга, купюрами по 50, 100 и 250. Отдельно лежали доллары – пять бумажек по сотне, с портретом Франклина. Когда я стал рассматривать доллары, мне отчего-то стало не по себе.

– Сколько тут? – оторвал меня Володя от моих панических мыслей.

– Грубо – десять штук, если все эти бумажки на наши, деревянные деньги перевести.

– Ого! – присвистнул Володя. – Не ожидал я такого фарша.

– Зато теперь нам наверняка следует ожидать неприятностей.

– Хорошо, а вернуться, отдать твоему Яшке лапотник и сказать ему, что мы пошутили, тоже ведь теперь не проканает, – в волнении сбился мой напарник на блатной жаргон.

– Не проканает, – с горечью в голосе согласился я.

– Тогда пока спрячем и не будем его трогать до возвращения домой, а там – решим, что с ним делать. В любом случае раздерибаним башли пополам, – сказал Володя и стал укладывать купюры обратно.

Я кивнул, тема была исчерпана.

Спустя несколько часов, во время остановки на каком-то безымянном полустанке, мы выпрыгнули из вагона и, собираясь отправиться поесть, стали озираться по сторонам, пытаясь определить, в какой стороне станции находится столовая. За этим занятием мы едва не проглядели направлявшегося в нашу сторону мужика, при ближайшем рассмотрении оказавшегося... Валерой Карпиным. У нас с Володькой при виде него от удивления челюсти поотвисли. Да, это был он – массивная лысая голова, тело, налитое чудовищной природной силой, руки – с пудовыми кулаками, и улыбка, больше похожая на звериный оскал. Валера был легендой и символом нашей проводницкой профессии, проработавший в ней вот уже более десяти лет, эдакий циничный доморощенный юморист, любитель дружеских попок и толстозадых женщин. Еще он имел не очень приятную особенность, если что выходило не по его, мгновенно взрываться гневом. Из-за этой своей особенности он уже совершил два убийства, причем за первое он

отсидел девять лет, а от второго срока буквально несколько недель тому назад его отмазали жадные до денег адвокаты.

– Ну что, сынки, – сказал он, пожимая наши протянутые руки, – наверно даже не мечтали дядю Валеру по дороге встретить? Тем более ехать с ним в одном составе.

– Здорово, дядя Валера, – восторженно смеялся Володя. – Это уж точно, не мечтали. Теперь-то, конечно, вместе с вами будет намного веселее.

Обедать в столовую мы отправились втроем.

Дорогой Валера подхватил валявшуюся на земле тормозную колодку и играючи, с одного замаха перебросил ее через вагон; глухо звякнув, она приземлилась с другой стороны.

Нехило, подумал я, а ведь в колодке целый пуд, шестнадцать килограммов.

– А что же ты, Валера, – спросил я, когда мы, набрав полные подносы еды, расположились за столиком, – в такой дальний рейс сам поехал? Тяжело наверно одному?

– Почему сам? – ухмыльнулся Валера, нанизывая на вилку котлету и откусывая от нее добрую половину. – Был у меня напарник, мудило какой-то, на второй неделе начал ныть – то ему убирать в вагоне запахло, то жратву готовить ему не нравится, ну, я и сказал ему: «Тогда жопу подставляй, зачем я тебя зря буду возить?». Тогда он вообще расплакался, сказал, что он, мол, не из таких, ну, я его и выгнал, дал пять рублей и домой отправил.

– Это ж куда вы на тот момент добрались? – спросил я.

– Да за Челябинском дело было, – подумав, ответил он. Потом добавил: – Мы тогда в каком-то тупике стояли, пропускали пассажирские поезда.

– Так там, наверно, и станции никакой не было, так, просто голое поле и все? – спросил я.

– Ну да, верно, – подтвердил Валера.

– И что, думаешь, пяти рублей ему хватило, чтобы добраться до Молдавии? – усмехнулся я.

– А мне какое дело. Он ведь на большее не заработал.

Мы с Володией смеялись чуть ли не до слез, еле-еле за полчаса со своими порциями управились.

После обеда полезли к Валере в вагон – в карты играть.

– Ты ж смотри, только не грабь нас, – сказал ему Володя, внимательно перебирая и просматривая карты, колоду которых Валера достал из сумки, во избежание наличия крапленых карт. – Мы же не как ты, везунчик, мы в рейс с сухокрепким ездили, денег еле-еле на хлеб с бациллой нацарапали.

За игрой время бежало быстро, стало вечереть. Уже темнело, когда наш состав остановился на очередном полустанке, и мы решили выбраться из вагона, чтобы размяться. На улице было довольно тепло: +5 градусов, снег почти везде стоял. Валера сошел первым, он был одет в спортивный костюм, на ногах у него были тапочки, а на голове неизменная кепка; мы спустились следом за ним.

Не успели мы оглядеться по сторонам, как вдруг услышали чей-то разухабистый, нахальный тембра голос, по которому всегда можно узнать блатного:

– Здорово, братья-проводники!

Мы втроем обратили наши взгляды на говорившего. По направлению к Валере танцующей походкой приближался какой-то верзила в спортивных брюках и джинсовой утепленной куртке фирмы «Вранглер», на ногах кроссовки.

– Тамбовский волк тебе брат, – недружелюбно ответил незнакомцу Валера.

Тут верзила, внимательно оглядев нас с головы до ног, и вовсе удивил: он сунул в рот два пальца и резко свистнул.

– Это они, – послышался откуда-то чей-то звонкий голос и из-за вагона в нашу сторону бросились еще двое парней. В этот момент верзила странно изогнулся, издал пронзительный крик «ки-йя», взмахнул ногой и Валера, краса и гордость проводников Молдавии, да, пожалуй,

и всего Советского Союза, сраженный мастерским ударом карате, плашмя рухнул на спину. У меня от удивления глаза чуть не вылезли из орбит. Володя, увидев это, оскалился, птицей взлетел на лестницу и нырнул обратно в вагон. Таким образом, я остался один против трех приближающихся ко мне противников. Вторым из напавших на нас был чернявый приземистый крепыш с квадратными плечами. Он стал в боксерскую стойку, шагнул ко мне, и едва я успел защититься, выставив перед собой руки, как на меня обрушился град ударов. В течение нескольких секунд у меня были разбиты обе губы, сбито дыхание, левый глаз почти сразу стал затекать. Правым глазом я все же успел заметить, как Валерий встал, выпрямился, – на голове его в этот момент каким-то чудом вместо кепки оказался тапок. В другой ситуации я бы конечно рассмеялся, но в этот момент, как вы сами понимаете, мне было совсем не до смеха. Валера принял боевую стойку, а верзила-каратист вновь шагнул к нему и... я не поверил своим глазам: Валерий, сраженный еще одним ударом, повалился на землю.

Увидев, что мой противник-боксер решил дать себе передышку, оставаясь в то же время в пределах досягаемости, я, собрав остатки сил, рванулся к нему навстречу, поймал левой рукой рукав несильно пущенной им мне в голову правой руки и, что было сил, подхватил его правую ногу левой. Крепыш грохнулся на землю, а я, не давая ему встать, стал наносить по его голове и телу футбольные удары ногами. Минутой позже, отступив назад, я увидел, что Валера после двух падений сумел таки вновь подняться на ноги. Лицо его приобрело зверское выражение. Он ухватил увесистое березовое полено, валявшееся на земле, и обрушил его на голову своего обидчика-верзилы. Тот рухнул на землю. Третий из нападавших, сухощавый рыжеволосый парень, довольно умело размахивая нунчаками, подступал, прижимая к вагону Володю, в руке которого молнией мелькал нож. Рискуя получить удар нунчаками, я безрассудно бросился на рыжего. Мой рот из-за разбитых губ был полон крови, да так, что постоянно глотая ее, я едва успевал дышать, к тому же мой левый глаз уже ничего не видел, однако я уже хорошо понимал, что это схватка не на жизнь, а на смерть. Рыжий, оставив в покое Володю, обернулся ко мне, и в эту секунду я, сделав правой ногой шаг вперед и одновременно пол-оборота туловищем назад и влево, по ходу движения наклонился и что было сил лягнул левой ногой в его сторону. Попал! Вы не поверите мне, но, думаю, Чак Норрис, увидев этот удар, пожал бы мне руку. Рыжий как подкошенный рухнул на камни, успев, однако, в последнюю секунду оттянуть меня по спине нунчаками, отчего я тоже не удержался на ногах и свалился. Уже лежа на земле, я увидел, как рыжий, покачиваясь, стал подниматься, но Володя, изловчившись в неестественном по гибкости движении, ткнул его ножичком в живот и тот вновь упал. Мне показалось очень комфортным лежать на земле ничком, но вдруг чья-то чудовищной силы рука подхватила меня, словно щенка и поставила на ноги.

– Савва, быстро хватай и грузи этих пидоров в вагон, – услышал я голос Валеры и, ничего не соображая, стал делать то, что он велел. Через минуту мы погрузили в вагон всех трех наших противников: Валера поднимал и кидал их наверх, в проем двери, словно кули с мукой, мы вязали им руки веревками и собственной одеждой, в рот вставляли кляп и затаскивали в отсек. Закончив это дело, мы заперлись в купе и, даже не разговаривая друг с другом, стали, приводя себя в порядок, дожидаться отправления. Я выпил не менее чем литр воды из-под крана, не замечая что она имела затхлый и ржавый вкус, Валера с Володей тоже по пару раз прикладывались к кружкам. Прошло около часа, показавшегося нам вечностью, пока в шлангах зашипел воздух, затем прогудел гудок и состав наконец отправился; лишь тогда мы успокоенно вздохнули. На глухие стоны, доносившиеся из отсека, мы внимания не обращали. Из нас троих я пострадал более остальных: обе губы чудовищно распухли, левым глазом я то и дело прижимался ко всем металлическим деталям вагона, но душа моя ликовала: я был жив и почти невредим.

– Ну что сказать тебе, Савва, симпатичный ты конечно парень, но жрать ты теперь неделю не сможешь, только сосать, – сказал Валера грубовато и, видя, что я готов броситься на него

с кулаками, дружески хлопнул меня по плечу: – Да ты не обижайся, по собственному опыту тебе говорю. Зато суп, манную кашу и пюре жрать можно.

Я, поглядев на него, усмехнулся: у него самого расплывались под глазами два крупных синяка.

На покрывале кучей валялись вещи, вытащенные из карманов наших арестантов. Два паспорта, один студенческий билет, две связки ключей, деньги – чуть больше тысячи рублей разномастными купюрами, и блокнот со всевозможными записями и телефонами, а также оружие – кастет, складной нож и нунчаки.

– И какого черта им было надо? Грабить что ли, они нас собрались? – с сомнением в голосе спросил ни к кому не обращаясь Валера.

Володя, сделав мне знак молчать, взял деньги и пододвинул Валере:

– Забери бабки себе, – сказал он. – Ты у нас будешь за пахана. – И обращаясь ко мне, спросил: – Ты как, не против, Савва?

Я кивнул. Я был не против.

– С завтрашнего дня, Савва, ты начнешь меня учить, как пользоваться этими палочками, – сказал Володя, взвешивая в руке нунчаки, принадлежавшие одному из нападавших. – А то нож, как я вижу, против них – ничто.

Я взял из его руки нунчаки. Они были из какого-то плотного дерева, при этом не слишком тяжелые, шестигранные, желтый жгут соединял два стержня; на каждой грани ближе к связке были изображены умильные китайские рожицы, причем гримасы на них были разные. Володя долго всматривался в эти изображения, затем спросил:

– Они что ли как будто смеются здесь, китаезы долбаные?

– Нет, это изображены фазы страха, – объяснил я. – Каждый удар ведь ранит по-разному, и фазы страха, естественно, в каждом случае разные, по нарастающей: вот тут, – я показал, – просто ушиб, затем – немного больно, потом большее, – у такого человека резко повышается способность к сопротивлению – значит, тот, кто наносит удар, должен быть осторожен, ну, а это последняя фаза – соперник почти при смерти, он теряет возможность к сопротивлению.

– А-а! Да-а?! Ну ты ваще даешь! – раскрыв рты, удивленным дуэтом пропели мои коллеги.

Я глубокомысленно закивал.

– Кажется, пора проведать наших друзей, – жестко сказал Валера минутой позже. – А ну-ка, Савва, волоки сюда одного из них, только осторожно, чтобы не развязался.

Подсвечивая себе фонариком, я стал вытаскивать из отсека ближайшего ко мне арестанта, им оказался верзила, который в процессе драки два раза сбил Валеру с ног.

– Каратист долбанный, – незлобиво сказал Валера, встряхивая его словно куль с картошкой и бросая грудью на топчан. Рот верзилы был занят кляпом, голова дергалась, карие глаза бешено вращались. Володя ловким и быстрым движением приставил к его глазу нож, отчего верзила тут же успокоился, а из глаза, неотрывно следившего за лезвием, выкатилась слеза. Валера тем временем проверил, хорошо ли связаны руки и ноги, подтянул узлы и стал стаскивать с верзилы спортивные штаны вместе с трусами.

– В карате у тебя классно получается, посмотрим сейчас, как ты в очко играешь, – сказал он, приспуская свои брюки. Я отвернулся.

– Извини, чувак, вазелина мы не припасли, – послышался голос Валеры. – Не знали, что такой гость у нас будет. Да ты не расстраивайся так, один раз – не педераст; а мы ребята скромные, никому не расскажем. – И сразу, вслед за этим: – Савва, ты будешь?

– Спасибо, не надо, – кисло отозвался я.

Через некоторое время настала очередь возвращать первого и вытаскивать второго пленника. Это был крепыш-боксер. Также тщательно проверив все узлы, стягивающие его конечности, затем поставив его на колени, Володя освободил тому рот от кляпа и спросил:

– Ну-ка расскажи нам, пес, вас кто-нибудь послал вслед за нами, или сами такие грамотные оказались?

– Ты, муфлон, скорее развяжи и отпусти меня, – хриплым голосом потребовал крепыш. – Ты не знаешь, лох, с кем связался, наши пацаны вот-вот вас найдут и всех убьют.

Валера коротко, без замаха ударил его кулаком в ухо, отчего тот скорчился от боли.

– Чересчур наглый козел, – хладнокровно констатировал Володя и, схватив ложку, стал совать ее между зубов крепыша. – Счас ты у меня вафлей наглотаешься, спортсмен херов.

– Валера, что дальше делать с ними будем? – вздрагивая от неприятного предчувствия, спросил я равнодушно взиравшего на происходящее пахана.

– Как что. Грохнем и выбросим на пути, – спокойно ответил он.

Я похолодел.

– Зачем же убивать? – спросил я осторожно. – Давай просто выкинем их из вагона, да и хрен с ними. Тогда это убийством считаться не будет.

– Ага, а они потом нас найдут и точняк убьют. Тут одно из двух: либо они нас, либо мы их. Я опустил голову. Он был прав, и против фактов не попрешь.

– Этот, – небрежно кивнул Валера в сторону крепыша, – вообще непонятно откуда: то ли мент, то ли из Конторы.

– А чего ты так решил, в ксивы его смотрел, что ли? – поневоле перешел и я на блатную феню.

– Да вот что я у него нашел, – усмехнулся он, доставая из-под лавки и протягивая мне пистолет в изящной кобуре. Я вытаращил глаза: «Макаров». Новенький. Я взял его и взвесил в ладони. Еще с запахом масла. Видать, совсем недавно смазывали. Затем взвел затвор, и патрон оказался в стволе.

– Эй-эй, осторожно, ты в нас сдуру не стрельни, – забеспокоился Валера.

– Я с этими штучками умею обращаться, – сказал я, затем выщелкнув обойму, наклонил пистолет в сторону, откатил затвор и патрон, тускло блеснув, лег мне на ладонь.

– Ну, если умеешь, то он тебе, наверное, и достанется. Не сейчас, через месячишко, когда весь этот шум угомонится. Нам, ворами, он ни к чему, штучка эта слишком шумная, да и статья за него... Мы по привычке свои дела решаем с помощью ножа.

– Слушай, а чего он в нас не стрелял? – спросил я, спустив курок, а затем тщательно протирая пистолет о тряпку.

– Думал, что без него справится, – ответил Валера, забирая из моих рук пистолет.

– Отпечатки... – напомнил я ему. – Отпечатки не оставляй, протри и в тряпку какую-нибудь заверни.

Володя тем временем загнал пинками крепыша в отсек и вернулся в купе.

– А этот, рыжий, что с ним? – спросил его Валера.

– Поддыхает, сука, у него ж дырка в брюхе, – ответил Володя, и от его слов у меня потемнело в глазах.

– Через часок-другой, когда отъедем отсюда подальше, надо будет освободиться от них, опасно ездить с этим дерьмом, – сказал Валера.

– Давайте сделаем так, – неожиданно для самого себя предложил я. – Сунем им в карманы понемножку денег, документы, нунчаки, ножик вон и сбросим под откос. (Я и сам еще совсем недавно прыгал на ходу из вагона и знал, что при этом можно остаться живым). В таком случае, если кто и сдохнет, что весьма вероятно, потом следствию трудно будет на нас выйти, тут за час проходит с десятков поездов.

– Да я их сам порежу, всех троих, мать их... – обозлился Володя. – Тебе что, непонятно, они же нас не ругать и не бить, они ведь валить собирались.

– Насчет порезать – это подождет, Захар, – сказал Валера скривившись. – Сделаем, как Савва говорит. Этих двоих выбросим ночью под откос, вряд ли кто-то из них до утра доживет:

холод доделает за нас остальное. А рыжего надо будет на каком-нибудь полустанке на рельсы уложить. – Заметив наши удивленные взгляды, пояснил: – У него же ножевая рана, что вам непонятно? А так попадет он под колеса вагона, там уже не разобрать будет, что да как.

Мы с Вовкой молча закивали: нам было все понятно.

Часом позже мы принялись за дело. Приготовили первого, верзилу, который, впрочем, в эту минуту уже не казался таким крупным и выглядел совсем не грозным. Открыли дверь пошире, и в купе, выметая последнее тепло, ворвались струи ледяного воздуха.

– Свечку задуй, – сказал я, обращаясь к Володе. – И посмотри прежде наружу, чтобы откос был подходящий – подлиннее и покругче.

Валера поднял на ноги верзилу, встряхнул, и сказал:

– Стоять, козлик.

Тот безжизненно облокотился на стену. Я потихоньку достал из кармана перочинный ножик и втихаря надрезал веревку и тряпку, связывавшую руки верзилы. Это действие, к слову сказать, мне далось весьма непросто: ребята могли заметить и тогда... тогда могло случиться что угодно – скорее всего, я бы полетел под откос вслед за верзилой. Затем, поставив его напротив открытой двери, я шепнул верзиле «прыгай» и толкнул его от себя. Мелькнули в проеме двери ноги верзилы и исчезли в ночи.

Затем настала очередь боксера. Этому перерезать веревки на руках мне не удалось. А может, и не очень хотелось. Однако, выглянув наружу, я вдруг заметил далеко впереди по ходу движения огоньки и какие-то массивные конструкции. Я сунулся обратно и закрыл за собой дверь.

– Впереди то ли мост, то ли туннель, не разберу. Переждать надо, пацаны, там могут быть солдатики, ВОХРовцы с овчарками, вмиг нашего клиента обнаружат.

Ребята согласились. Боксера положили лицом вниз, прямо на пол, сами сели на топчан. Говорить было не о чем; да и не хотелось. Минут через двадцать, когда мост остался далеко позади, Валера с Володей поднапряглись и сбросили боксера с поезда. Последним усилием он мертвой хваткой вцепился в рукав Володиной рубашки, и Вовку рвануло вслед за ним... Слава богу, я успел среагировать, одной рукой обхватить Вовку за шею, а другой упереться в проем двери, рукав лопнул и исчез вслед за боксером, а мы оба растянулись на полу.

– Что с вами, пацаны? – спросил Валера, когда мы поднялись, и я резким движением захлопнул дверь, – обосрались с перепуга?

– С рыжим сам будешь разбираться, это твой клиент, – зло сказал я Вовке.

– Не бузи, Савва, – сказал Валера. – Если боксер действительно мусор, то всем нам светит вышка, расстрел.

– Ага, нам с тобой конечно расстрел, а Савва отмажется, – вдруг заявил Володя. – Все на нас спишет и получит он пятнашку, да и то в худшем случае, а в лучшем всего семь-восемь лет.

– Хавало закрой, – стараясь оставаться спокойным, сказал я. – Так мы скоро договоримся до того, что убивать друг друга начнем. Для меня и семь лет, чтобы ты знал, слишком большой срок, который я отсиживать не собираюсь, поэтому даже не будем говорить об этом. Тем более что мы еще не все дела закончили. Так, пахан?

Валера согласно кивнул и тема была исчерпана.

Когда наш состав остановился на следующем полустанке, была глубокая ночь. Мои подельники, теперь я, нравилось это мне или нет, уже мог именно так их называть, справились с рыжим вдвоем, без меня. Однако мне все же пришлось стоять на стреме, – в том, чтобы наших манипуляций с рыжим никто не заметил, был и мой интерес. Полночи после этого я пытался себя убедить, что эти трое нападавших пришли от Якова Захаровича с конкретной целью убить нас, но легче от этого мне не становилось, и до самого утра я так и не смог уснуть.

За оставшиеся дни, пока добирались до Молдавии, мы понемногу пришли в себя и успокоились, за нами больше никто не гнался, никто нас не разыскивал. В отсеке и в самом купе мы все тщательно убрали и помыли, чтобы от чужаков даже волосков или пылинок не осталось. Мы как могли, залечили дорогой наши травмы, у Валеры и у меня прошли синяки, я похудел килограммов на пять, так как есть мог только суп и чай. Володя часто засиживался в вагоне у Валеры, они там играли в карты, пили чифирь и базарили за жизнь. Я иногда присоединялся к ним, но полноправным членом их компании так и не стал, да, если честно, не очень-то и хотелось.

По приезду в Молдавию Валера отдал мне нунчаки, оказавшиеся, как я выяснил позднее, настоящими, японскими, а через месяц, как и обещал, «Макаров», но при этом остался верен себе и взял с меня за пистолет триста рублей. Затем я частным образом съездил в Москву и продал доллары по шесть рублей за штуку, эти деньги – три тысячи – вместе с наличными из портмоне перешли к Володе. Ну а с чеками Внешпосылторга, доставшимися мне, я знал, как распорядиться.

А вот что стало с теми тремя парнями, я так до сих пор и не знаю. Даже теперь, по прошествии многих лет, когда я вдруг посреди ночи просыпаюсь в ледяном поту от ужаса, а это происходит с периодичностью раз или два в месяц, я лежу, не закрывая глаз до самого утра, и внушаю себе, что они обычные бандиты и приходили за нашими жизнями, но карты легли так, что из-за этого им, возможно, пришлось расстаться со своими... Возможно, но не обязательно. К утру ночной кошмар постепенно проходит, и ужас отпускает... до следующего раза.

Новелла вторая. Крик совы

Коктейль «Медовая ночь»

Кофе «эспрессо».

1 чайная ложка мёда.

15 мл ликера «калуа».

Взбитые сливки.

Тростниковый сахар, воздушный рис.

В бокал всё вливать по очереди, затем посыпать сахаром и рисом для украшения.

*Мужик тугим узлом совьется
но если пламя в нем клокочет —
всегда от женщины добьется
того, что женщина захочет*
Игорь Губерман

Эта девушка-подросток, о которой я хочу здесь рассказать, оставила в моей памяти, с одной стороны – приятные, незабываемые мгновения, а с другой – легкий ужас при воспоминании о той единственной ночи, проведенной нами вместе; и по жизни – немало вопросов, многие из которых я обращаю к себе самому.

18-летняя чудо-девочка, студентка Кишиневского университета, стройная, я бы даже сказал, изящная телом и весьма хорошенькая лицом, для проведения своих странных – по меньшей мере – экспериментов почему-то избрала меня, а подопытными кроликами, или жертвами, если хотите, в результате оказались мы оба.

Одним поздним вечером – это случилось как раз к закрытию – она заявила к моему товарищу в бар вместе со своей подругой и проявила такую настойчивость в желании остаться в баре и после закрытия, что нам с Кондратом, который, собственно, и позвал меня накануне в бар в надежде на то, что мы проведем этот вечер вместе, подключив к нашей компании парочку стоворчивых девиц, не оставалось ничего другого, как выпроводить на улицу другую пару девушек, тоже студенток Кишиневского университета, на протяжении целого вечера дожидавшихся нас.

Буквально на первых же минутах знакомства, когда мы остались в баре вчетвером, Инна – так звали эту девушку – не обращая внимания на Кондрата, парня, надо сказать, весьма заметного не только своим высоким ростом, но и мужественной красотой, завладев моей рукой, увлекла меня в дальнюю, угловую кабинку, и без предисловий спросила:

– Скажи мне, Савва, ты настоящий мужик?

– А что такое, требуется выпить литр водки? – шутливо спросил я.

– Ну, – взмолилась девушка, надув губки, – я тебя серьезно спрашиваю.

– Ну, если серьезно, думаю да, – ответил я, с удовольствием опускаясь в мягкое удобное кресло после целого дня, проведенного на ногах. – Я не просто мужик, моя девочка, я, можно сказать, рыцарь... – и, после внушительной паузы добавил с циничной усмешкой: – ... да, рыцарь лифчиков, трусиков и колготок.

Совершенно не зная, что именно требуется от меня этой пигалице, которая и на женщину-то не была похожа, я хотел с самого начала расставить все точки над «i», чтобы потом лишних вопросов не возникало.

Инна приблизила свое лицо, ее маленькие горячие ладошки легли на мою руку, сжали ее и она сказала:

– Послушай, я хочу, чтобы ты меня развратил. По-настоящему, понял? – Ее красивые кошачьи глаза глядели на меня с откровенным вызовом, и было видно, что девушка не шутит.

– Зачем тебе это надо, милая? – попытался отшутиться я, откидываясь в кресле назад, пытаюсь таким образом увеличить дистанцию между нами. А сам с тоской подумал, что из-за этой девчушки-пичужки, вбившую себе в голову какую-то блажь, мы отправили домой нормальных телок, с которыми можно было без проблем провести веселую ночку, и теперь мне придется возиться с малолеткой, которая сама не знает, чего хочет. Но Инна не приняла моего осторожного, игривого тона.

– Скажи, что ты сделаешь это, не разочаровывай меня, мне бы не хотелось обращаться с этой просьбой к твоему товарищу. Хотя у него взгляд настоящего развратника, такой тип мужчин мне не нравится, да и молодой он слишком, – скороговоркой выпалила она.

Что мне оставалось делать: сказать ей, чтобы она пошла и умылась холодной водой и немного остыла, или же отшлепать по попке и отправить домой? Но ведь, действительно, то, чем мы с Кондратом день ото дня занимались, иначе как развратом и не назовешь, быть может, когда-нибудь, в другое, более продвинутое время, этому будет дано какое-нибудь более приятное и благородное определение.

Впрочем, в какой-то степени это предложение мне показалось даже интересным, такое в моей жизни случилось впервые: девушка сама пожелала стать объектом насилия.

– Не знаю, что ты понимаешь под этим словом – разврат, но это, поверь мне, не так романтично, как можно себе представить из рассказов подруг, – голосом нудного ментора, глядя девушке прямо в глаза, начал я. – Иногда при этом бывает больно, девочка моя, и с непривычки даже противно, – это игра для взрослых. – Я с сомнением оглядел ее воздушную фигурку.

– Во-первых, я не маленькая девочка, мне уже 18, а во-вторых... я готова на все, вернее, я попросту должна пройти все это. – Глаза девушки сверкали, лицо пылало, и весь запас моего красноречия иссяк, испарился.

Итак: девочка поставила перед собой именно такую цель, а передо мной – конкретную задачу, и ничто не могло сбить ее с намеченной цели. «Подожди же, моя милая девочка, – накручивал я сам себя, когда полчасом позже мы вчетвером поднимались ко мне в квартиру. – Ты еще будешь молить меня о пощаде, но я буду тверд и неуступчив».

Итак, повторяю, цели были определены, расклад ясен, и уже через несколько минут после прихода мы попарно разбрелись по комнатам.

Из спальни, где расположился Кондрат со своей партнершей, уже были слышны ахи-охи-вздохи, а мы с Инной делали только первые шаги в освоении любовной игры. Начали мы с эротического массажа, попеременно меняясь ролями, и почти невинных ласк, постепенно, шаг за шагом осваивая любовную науку.

– Для того, чтобы все прошло хорошо и гладко, ты должна мне полностью доверять, а еще лучше – срочно полюбить меня, – пошутил я, нежно разминая шею и плечи моей пассии.

– Я стараюсь, – ответила Инна серьезным голосом, – я тоже подумала об этом.

Постепенно опускаясь все ниже – к ее животу и бедрам, я следил за реакциями партнерши, пытаюсь уловить тот момент, когда ее потянет на «запретный плод», давая девушке возможность самой решить: «Когда?» Мне хотелось, чтобы она попросила, а еще лучше, сама сделала первый шаг. Добиваясь этого, я старался быть хладнокровным, однако за час-полтора измотал себя (боюсь, что и партнершу тоже) до одури. Я гладил и разминал ее прекрасное юное тело, целовал и слегка покусывал. Инна понемногу привыкала ко мне, к моим прикосновениям, и мне вскоре стало казаться, что ей наша игра начинает нравиться; неудовольствия, во всяком случае, она не выказывала.

Что ж, девушка, надо признать, была действительно хорошенькой. Тело ее, еще только начинавшее приобретать женские очертания – небольшие чашевидные грудки, которые она могла полностью прикрыть своими ладошками, плоский животик, узкая талия, переходящая

в изящные, стройные бедра – все эти прелести кого угодно могли свести с ума, и мое вожделение вследствие массажа и ласк возросло многократно. В какой-то момент я не сдержался, перевернул ее на спину, издав при этом то ли стон, то ли рык и...

Инна уперлась мне в грудь обеими руками, глаза ее округлились от ужаса, но ее слабое сопротивление только раззадорило и придало мне сил, и я, обеими руками держась за маленькие пружинистые ягодицы, вошел в нее плавно и бережно, но сразу почти до конца, чтобы не измучить девушку многими попытками и, соответственно, долгими болевыми ощущениями. Инна ойкнула, задрожала подо мной, но каким-то чудом стерпела, издав лишь слабый стон, затем обмякла. После этого я вновь целовал ее, шептал какие-то ласковые слова, потом, обняв девушку, укрыл нас обоих одеялом и стал понемногу придремывать; Инна повернулась на бок и свернулась в клубок, приняв позу зародыша, и вскоре мне показалось, что она тоже засыпает.

Но, как вскоре выяснилось, мне это только казалось. В какое-то мгновение, когда я уже проваливался в сон, девушка высвободилась из моих объятий, встала в постели на четвереньки, лицом ко мне и спросила:

– Это все?

– Нет, милая, впереди нас ждут новые непристойности, ведь ты этого хотела, не так ли? – раскрыв глаза, заверил ее я, словно продолжая прерванный разговор. – А ты, кстати, не устала? Тебя ничего не беспокоит, не болит? Или того, что уже было, тебе недостаточно?

Мне показалось, что она, эта маленькая пичужка, меня дразнит, и от этого вся моя сонливость в одночасье исчезла.

– Я хочу испытать с тобой все, – уверенно сказала маленькая чертовка, – все, ты слышишь? И я надеюсь, что ты знаешь, что это такое.

Я слышал. Вместо ответа я взял руками ее голову, слегка нажал, наклоняя к низу своего живота, при этом она коснулась лицом моего «удальца». Еще секунду назад, будучи совсем вялым, он стал набухать и твердеть. Около получаса я обучал Инну минету, показывая, что и как надо делать, а чего нельзя.

Кончить мне не удалось, Инна попросту устала, после чего уставилась на меня своими невинными глазами, но и мне не особенно хотелось продолжать, и я с удовольствием обнял ее маленькое, сладостное тело, когда она вновь прилегла рядом.

– Тебе не кажется, что мы чрезмерно увлеклись? – спросил я, стараясь казаться строгим. – Предлагаю закончить на этом, самое время отдохнуть.

– Я не верю, что ты устал, – в ответ сказала она. – Я же вижу, как ты сдерживаешь себя.

– Не мучай себя понапрасну и мне не морочь голову, я вполне удовлетворен, так что давай спать.

Мне, может быть, стоило оборвать ее, наругать. Но я уже совсем не был уверен в том, что веду себя с ней, этой малышкой, правильно, – впрочем, это ощущение зародилось с самой первой минуты нашего знакомства.

– Скажи, теперь ты меня будешь презирать за то, что я тебя целовала там?

– Дурочка! – ответил я. – В этом нет ничего противоестественного или постыдного, для меня ты навсегда останешься чистой и прекрасной.

– А теперь... – сказала Инна, нажимая своим указательным пальчиком мне на губы, тем самым как бы не давая мне говорить ей комплименты, – ...последнее, что я знаю... в попочку.

– В попочку? – отозвался я растерянно и услышал в ответ: «Да». – Ты уверена, что хочешь сегодня и это испытать? – Мне показалось, я ослышался, но услышал «да» и в другой раз.

– Только осторожно, он у тебя такой большой. Ты можешь сделать так, чтобы не было очень больно?

«Эге, да ты еще не видела больших, пигалица», – чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусил язык.

– Я сделаю, как ты хочешь, – сказал я вслух, вставая с дивана и отправляясь к трюмо, где находилась всевозможная косметика и, захватив с собой тюбик с жидким кремом, вернулся назад.

Проникновение я произвел очень осторожно. Инна конечно же вздрогнула, почувствовав его в себе, и завибрировала на моем «удальце», но я не вытащил его, решив на этот раз довести дело до оргазма. Когда я, переполненный ощущениями, не обращая внимания на стоны и протестующие телодвижения партнерши, кончил, Инна разом подалась вперед и ничком рухнула на постель. Я, тяжело дыша, упал рядом, уткнулся носом ей в шею и стал ласково целовать ее волосы, шею, уши и плечи. Через некоторое время она наконец успокоилась, повернулась, обняла меня, обвила своими ручками и замерла.

Удивительна и таинственна все же женская натура, черт побери! Мне казалось, что после всего произошедшего между нами я уже и сам себя начинаю ненавидеть. А она меня обнимает. Хорошо хоть, что спасибо не сказала.

– Это, признаюсь – самое непонятное и болезненное, – прошептала Инна, – мне кажется, что он и теперь еще во мне, словно раскаленный ломик там, внутри.

Вздыхнув, я промолчал. Прошло еще какое-то время, Инна лежала, сосредоточившись на своих ощущениях, а я, мягко освободившись от ее объятий, встал и отправился в ванную. Принял душ, затем пошел на кухню, попутно легонько кулаком стукнув в дверь спальни, где находился Кондрат, затем достал из холодильника и на ходу выпил из горлышка бутылку минералки, после чего, усевшись на стул, закурил – в голове было такое смятение, словно все случившееся в последние два часа происходило не со мной.

Минуты через две появился Кондрат, на нем из одежды были лишь плавки, он подошел, вытянул из мятой пачки «Кемел» сигарету и, усевшись напротив, спросил:

– Ну, как успехи?

– Удовольствия мало, – хмыкнув, честно признался я. – Все больше учебный процесс.

– А у меня все просто отлично, – откликнулся Кондрат. – Ученица оказалась хорошо подготовленной и весьма старательной. Все время требует от меня повторения пройденного.

– Наверное, для закрепления материала, – усмехнулся я вставая и открывая холодильник в поисках какого-нибудь напитка для Инны.

Прошло не менее двадцати минут с того момента как я ушел, оставив девушку в комнате одну, и теперь я торопился к ней, неся в руках открытую бутылку с холодным шампанским, минеральную воду и бокалы. Однако когда я вошел в комнату, Инны там не оказалось. Вероятно, отправилась в ванную, подумал я, ставя принесенное на стол, только вот интересно, как и когда она прошла туда незамеченная мною. В лоджии, в которую вела дверь из комнаты, девушки тоже не было, сквозь большое окно, отделявшее зал от лоджии, она полностью просматривалась, а свет полной этой ночью луны освещал помещение достаточно хорошо.

Бросив взгляд на постель, я убедился, что она пуста, затем отправился в ванную, постоял, прислушиваясь у туалета, после чего заглянул на кухню. Никого. Даже из комнаты Кондрата не доносилось ни звука. Наружу выйти Инна не могла, входную дверь невозможно было открыть, так как ключ от нее я спрятал, да и все вещи девушки были на месте, сложены на стуле.

Неожиданно подкатило какое-то неприятное предчувствие, и все мое тело покрылось мурашками. Где же она может быть? Не могла же девушка исчезнуть. Я ступил на порог лоджии – это было единственное место, где девушка еще могла находиться. Однако Инны и тут не было. Ощущение вины и одновременно какой-то безысходной тоски захватило меня. Неверными шагами я пересек лоджию, подошел к окну и, перегнувшись, посмотрел вниз. С высоты четвертого этажа внизу почти ничего не было видно. Я пригляделся: там, под окнами, где слабый свет далеко стоящих фонарей падал на кусты и пожухлую траву между ними, сплошь покрытую опавшими листьями, мне почудилось какое-то движение.

Неужели... Вся гамма чувств мгновенно всколыхнулась во мне, и липкий страх сковал тело. Бог мой, неужели Инна сиганула в окно?.. А что, вполне возможно, ведь я сам весьма поспособствовал этому. Истерзал девочку, измучил ее, старый и похотливый мудака, вот она и выпрыгнула, не желая больше терпеть все это... Да, но ведь... Ведь все у нас было хорошо. И по обоюдному согласию. А если точнее сказать, по ее требованию. Стыд, боль, жалость, страх, презрение к себе – все эти чувства, смешавшись, охватили, закружили меня, мешая трезво рассуждать, затем в голове немного улеглось, но не прояснилось, осталось осознание того, что девочка, возможно, лежит там, внизу, вся переломанная, и я, виновник этого происшествия, а точнее, ее насильник, отправлюсь теперь в тюрьму.

Земля внизу гипнотизировала меня, я взгляделся еще раз, и вновь мне показалось, что там что-то или кто-то шевелится. Боже, но зачем она сделала это? Зачем?.. Вот, наверное, почему Инна хотела всего и сразу. Ее желание познать в сексе все в течение одной ночи стало мне теперь вдруг понятным. Видимо, она загодя запланировала покончить с собой, потому и пришла ко мне, абсолютно чужому, незнакомому ей человеку. И отдалась, желая испытать перед смертью все, очевидно, чтобы проникнуться к себе и к этой жизни отворачиванием в еще большей степени. А я, придурок, еще так старался... Господи, такая милая и красивая девочка, и – на тебе!

И тут вдруг мне вспомнилось что-то очень важное, до сих пор ускользавшее от моего сознания: позавчера ночью я, находясь дома, услышал какой-то странный птичий крик и, выглянув наружу, увидел на моей лоджии сову. Она сидела на створке открытой форточки, глядя, казалось, мне прямо в глаза. Наутро, когда я рассказал об этом кому-то из представителей старшего поколения... постой, ага, вспомнил – ну, конечно, моей соседке снизу тете Ане, на что та сразу же заявила, что это к смерти. Кто-то из жильцов нашей квартиры, сказала она, в ближайшее время умрет! Равнодушно так об этом сказала, словно прогноз погоды сообщила. Ну а я, конечно же, посмеялся над ее словами и тут же о них забыл.

В голове мгновенно помутилось, ноги сделались ватными. Вот и все, теперь все кончено, зловещая примета сбылась. Сбылась? Сбылась, застучало у меня в висках. С трудом я заставил себя повернуться, чтобы пойти вниз, найти, подобрать эту несчастную девочку, Инну. Может быть, она еще жива и ей требуется помощь, может, лежит там, внизу, с переломанными руками и ногами, стонет и зовет меня?.. Может, еще не поздно что-нибудь сделать...

Повернувшись лицом к двери, я сделал шаг и увидел... ее. Инна сидела под окном, разделяющим лоджию и комнату, на корточках, прижавшись к стене спиной. Из-за своего маленького роста она не доставала головой даже до подоконника, поэтому я и не увидел ее, не заметил раньше. И за эти несколько минут, показавшихся мне вечностью, она, находясь за моей спиной, не дала о себе знать, не окликнула меня. Просто сидела и молчала. В одном шаге от меня. Руки ее были сложены на коленях, голова покоилась на руках. Совершенно обессиленный, я преодолел этот шаг и опустился перед ней на колени.

– Где ты был? Почему ты оставил меня одну? – подняв на меня глаза, прошептала Инна.

Скрещенными руками она прикрывала свои груди и казалась от этого совсем ребенком – голым, слабым и беззащитным. – Я хочу пить, – вдруг жалобно, без какой-либо связи с предыдущими вопросами добавила она.

Я, не сумев в этот момент вымолвить и слова, встал, выпрямился, вышел в комнату, наполнил бокал шампанским, затем вернулся и подал ей. Она медленно поднялась на ноги, взяла из моей руки бокал, залпом выпила его, затем поставила на подоконник и протянула ко мне руки. Я подхватил ее – она была легкой, как пушинка. И тут, когда я ощутил ее в своих руках – живую, телесную, целую и невредимую, меня прорвало:

– Почему ты?.. Глупая девчонка. Это просто безумие какое-то. Ты бы хоть одно слово сказала, Инка, я чуть с ума не сошел.

Девушка не отвечала мне; откуда ей было знать о той буре, что пронеслась в моей голове, моем сердце и в душе.

Я бесконечно долго носил ее по комнате на руках, словно маленькую, баюкал, целовал, крепко прижимая к себе... и плакал. Она, удивляясь, вытирала мои щеки своими детскими ладошками, гладила мои волосы и успокаивала меня.

Она – меня?!

Наконец мы опустились на простыни. Я обнял ее как самую большую в мире драгоценность, прижал девушку к себе так, чтобы она не смогла выбраться из моих объятий, после чего мы наконец уснули.

Спать нам пришлось недолго, очень скоро наступил рассвет, и девушкам было необходимо отправляться в студенческий лагерь.

Кондрат, когда я вошел в его комнату, все еще спал в обнимку со своей пассией. Я полюбовался, глядя на них: он всегда так спал с женщинами, со всеми в одной и той же позе: свою правую руку подложив ей под голову полукругом, а левой обнимая за талию.

Затем тронул Кондрата за руку: «Вставай, братишка, пора».

Мы проводили девушек почти до самых ворот студенческого городка. Там, прощаясь, Инна взяла обе мои ладони в свои, и сказала, слегка откинув голову назад:

– Если захочешь увидеть меня в последний раз, приходи послезавтра утром сюда, на пяточок к 10 утра. – Приходи, Савва, я прошу тебя. Ладно?

Я кивнул.

И она ушла.

– Как ты думаешь, почему она сказала «в последний раз»? – спросил я Кондрата. – Ничего не понимаю. Ведь до конца сезона еще около месяца, целый октябрь впереди, так что студентам в нашем городе еще работать и работать.

– Уезжает, наверное, – сказал Кондрат зевая. – Пошли, у нас с тобой полно дел.

Я упрямился своего товарища в назначенный день вывести из гаража автомобиль и приехать к десяти утра к студгородку.

Кондрат стоял, опершись спиной на машину, курил, скучал и, поглядывая по сторонам, уже начинал нервничать. Кроме нас на стоянке перед студенческим городком никого не было, если не считать стоявшей неподалеку пустой белой «волги». Минут десять мы прождали, пока, наконец, я не увидел Инну, выходящую из ворот. Кондрат как раз в эту секунду тронул меня за рукав, хотел, видимо, что-то сказать, затем посмотрел в направлении моего взгляда и тоже увидел ее. Инна шла прямо к нам, на ней было красивое голубое платье и белые туфли на каблучке. Следом за ней из ворот вышел невысокого роста стройный молодой человек с большой сумкой в руке. Позади них шел еще один мужчина постарше, несший чемодан. Папа – догадался я, приглядевшись повнимательнее. Судя по всему, это был отец Инны, так как она была похожа на него чертами лица. Молодые люди остановились у «волги», папа поставил чемодан на землю и стал открывать багажник.

– О, привет! – обернувшись к нам, сказала Инна, словно только теперь нас заметила. Затем, повернувшись к своему парню, она сказала:

– А это наши местные бармены, помнишь, я тебе по телефону рассказывала, что местный бар – это единственное место в этом городе, где можно прилично отдохнуть.

Парень равнодушно кивнул нам, мы кивнули в ответ.

– А мы уезжаем домой, в Кишинев, – с милой улыбкой сообщила Инна. – Меня отпустили, потому что в субботу у нас с Виталиком, – девушка оперлась на руку своего спутника, – свадьба.

– Наши поздравления! – пробормотали мы с Кондратом одновременно (можете только представить себе выражение наших рож в этот момент).

– А вам спасибо! – сказала Инна. – Спасибо вам, ребята, за все.

Новелла третья. Дева для Кондрата

Коктейль «Батарейка»

Эспрессо.

20 мл «Кампари».

100 мл «Ред булл».

Дробленый лёд.

В бокал налить «кампари». Добавить 3 кубика льда, «Ред булл».

Насыпать ледовую крошку и налить холодный эспрессо.

*Блестя глазами сокровенно
стыдясь вульгарности подруг,
девица ждет любви смиренно, как муху робко ждет паук*
Игорь Губерман

Мы сидели с моим товарищем Кондратом за столиком в его баре, – был обеденный перерыв, – и вслух размышляли.

Дело было в том, что стройотряд из Татарстана еще в конце августа отбыл из наших мест к себе на родину, тогда же студентов Казанского университета, работавших на совхозных полях района и местном консервном заводе, сменили наши, молдавские студенты Кишиневского университета. Однако теперь пошла уж третья декада сентября, а в городе, общественных местах, и уж тем более в барах, где мы с товарищем работали, этих самых студентов мы даже в глаза не видели.

Всерьез обеспокоившись этим фактом, а интересовали нас, понятное дело, исключительно студентки, мы обсудили этот вопрос со своими знакомыми милиционерами Бананом и Яником, которые тоже не понимали, в чем дело, в результате чего пришли к выводу, что нам придется действовать по принципу: «Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе».

И вот одним теплым сентябрьским днем, мы, четверо приятелей: Банан – участковый инспектор, старший лейтенант милиции; Яник – инспектор уголовного розыска, тоже старший лейтенант; Кондрат – «представитель райкома комсомола»; и я (сам я, соответственно своему возрасту и внешнему виду собирался, как обычно, представиться заместителем начальника городского управления КГБ, в звании капитана), на машине Кондрата прибыли в расположение студенческого городка, якобы для выяснения условий проживания студентов. При необходимости мы собирались напрямую пообщаться с руководством студенческого отряда.

Однако оказалось, что согласно внутреннему распорядку, даже пройти на территорию городка было делом непростым, но, конечно же, не для нас – «представителей власти», так как оба милиционера Банан и Яник были, соответственно, в форме, а мы с Кондратом в гражданской, но строгой деловой одежде.

Пообщавшись у входа с дежурным преподавателем, мы выяснили, что самый главный стройотрядовец – командир – в настоящий момент на месте отсутствовал, поэтому вздохнули с облегчением (это упрощало нашу задачу) и попросили этого самого дежурного – седого, преклонных лет педагога – собрать весь преподавательский состав, находившийся в данный момент в студенческом городке, на встречу с нами для «знакомства, изучения ситуации и обсуждения мероприятий».

Минут через десять нас пригласили в столовую, где к этому времени уже собрались десятка два преподавателей. Участковый Банан представил нас, затем я («как старший по званию») взял слово и попросил преподавателей прямо и открыто высказаться, с какими труд-

ностями в обустройстве студентов они столкнулись за прошедший период и, главное, сделать акцент на мерах, направленных на улучшение проживания и быта студентов в студенческом городке, чтобы нам было понятно, какой конкретно помощи ждут от нас, то есть, от городских властей, КГБ и милиции. Вопросов, связанных с консервным заводом, где трудилась подавляющая часть студентов, мы решили пока не касаться, там, мол, есть свои ответственные.

От имени коллектива преподавателей выступил профессор Никифоров, он сказал, что весь преподавательский состав изо всех сил старается улучшить быт и отдых студентов, в частности детей, которых им доверили родители – папы и мамы, послав своих отпрысков в места, расположенные вдалеке от родного дома. Серьезную обеспокоенность преподавателей вызывала не совсем здоровая обстановка вокруг студенческого городка: основной акцент докладчиком был сделан на то, что по вечерам много празднующейся молодежи, в частности местные весьма разболтанные и хамоватые в обращении парни, зачастую уже в подпитии, приходят к студгородку, приносят с собой бутылки с алкоголем и жаждут близкого общения с девушками-студентками, поэтому руководство лагеря боится вероятных эксцессов: драк между местными парнями и ребятами-студентами, а в особенности поножовщины, а также изнасилований.

Составили протокол встречи, куда занесли все предложения, замечания и пожелания, оба наших милиционера сосредоточенно и деловито строчили что-то в своих записных книжках. Решено было, что без постоянного дежурства милиционера у ворот лагеря не обойтись, кроме того, наша сторона обещала предпринять и другие меры безопасности, как то: заделать дыры в заборе и этим ограничить вероятность проникновения на территорию посторонних лиц, навесить новые фонари взамен разбитых на столбах внутри и снаружи по периметру ограждения, а на пустыре перед лагерем два раза в неделю устраивать дискотеки, совместные для студентов и местной молодежи – для того, чтобы они все же имели возможность общаться между собой, и в то же время, чтобы это происходило не стихийно, а под контролем преподавателей и работников милиции.

Если оба наших милиционера во время совещания были хоть чем-то заняты, то Кондрат – «представитель райкома комсомола» – в ходе его откровенно скучал, отчего с интересом поглядывал в окно, когда мимо проходила какая-нибудь симпатичная студентка. Я пару раз бросал на него грозные взоры, но это не возымело реального действия, поэтому, скомкав окончание встречи, я предложил заинтересованным лицам пройтись по лагерю, обойти его вдоль забора, по периметру, чтобы на месте своими глазами увидеть все, что нам предстоит сделать.

В обход вместе с нами отправились трое преподавателей, Кондрат шел позади всех и во все глаза пялился на девушек, которых тут было бессчетное множество, да и я сам, стараясь не терять солидности, с любопытством поглядывал по сторонам, отмечая для себя симпатичные девичьи лица. Осмотрев все, что было намечено и, главное, договорившись о том, что мы будем периодически, раз в неделю, посещать студгородок (это и было главной нашей целью – иметь возможность и в дальнейшем приходить на его территорию в любое удобное для нас время), мы откланялись и убрались восвояси. На прощание нам сообщили, что как раз на завтра для студентов запланирован вечер отдыха с песнями, танцами, кострами и печеной картошкой на пустыре перед студгородком, и я пообещал прислать милиционера для соблюдения порядка, а также заявил, что сам непременно на этом вечере буду присутствовать.

На обратном пути Кондрат отвез всех нас к себе в бар, где мы выпили по бокалу шампанского и вдоволь насмеялись, вспоминая все перипетии нашего спектакля.

На следующий день мы с Кондратом приехали в лагерь к девяти вечера, когда только начинало темнеть и, поставив машину на стоянке у ближайших домов, отправились на пустырь, расположенный перед студгородком. Там мы исподволь стали знакомиться с начинавшими уже собираться студентами. Между входными воротами и стоянкой для автомобилей дефилировал высокий стройный сержант с внушительных размеров рацией на плече. Пару раз к нам подходил кто-то из дежурных преподавателей и спрашивал кто мы такие, и тогда нам приходилось

напоминать о вчерашней встрече и достигнутых на ней договоренностях, прибавляя при этом, что мы здесь занимаемся исключительно тем, что зорко и неустанно следим за порядком.

Студенты – ребята и девчонки, самого чудесного, на мой взгляд, возраста 18 – 20 лет, развлекались и веселили себя, как умели: сидя на ящиках или же на постеленных прямо на земле куртках, они пели хором под гитару патриотические и студенческие песни, читали стихи, танцевали под магнитофон, лузгали семечки, некоторые пекли в кострах картошку. Для настоящего веселья некоторым из них, вероятно, не хватало выпивки, но самые шустрые из студентов сумели и этот вопрос решить, и тайком, по темным углам или по своим комнатам распивали, кто что сумел достать – вино или водку: в Молдавии, надо признать, приобрести алкоголь никогда не было проблемой. Из десятков девушек, присутствовавших здесь, мало кто сегодня «употребил», – девушки по большей части придерживались строгих порядков, установленных для студентов, и лишь некоторые из них втихаря, в рукав покуривали, «стреляя» друг у друга и у нас с Кондратом сигареты; мой товарищ в каких-нибудь час-полтора раздал «страждущим» около двух пачек «Космоса», не забывая при этом заговаривать с ними и знакомиться.

Девушки с нами охотно общались, но все же немного остерегались, как незнакомцев, тем более что между ними прошел слухок, что мы «из органов». Чтобы облегчить задачу «подбора кадров», мне пришлось привлечь на нашу сторону одного из студентов – разбитного парня по имени Марчел, который выделялся среди прочих студентов своим развязным поведением и вольными разговорами на самые разнообразные темы. Я открылся Марчелу, сказал, кто мы такие на самом деле и пообещал достать для его личных нужд любое количество вина, а взамен попросил лишь, чтобы он помог нам сколотить компанию из знакомых ему девушек, не слишком закомплексованных, а лучше просто доступных, и представил им нас как своих друзей. Не очень легко и не слишком скоро, но Марчел все же сумел исполнить мою просьбу и привести к нашему костерку четырех девушек, затем он нас перезнакомил, и вскоре в нашем новом кружке завязался разговор.

Определив темы, более всего интересующие девушек, я в завязавшейся между нами непринужденной беседе стал эти темы умело развивать и поддерживать для скорейшего, так сказать, сближения сторон, и вскоре все мы втянулись в оживленный разговор о дружбе и любви в студенческой среде. Заводилами в нашей компании были Марчел – парень, с которым мы договорились о взаимопомощи, а со стороны девушек в лидеры выдвинулась девушка по имени Анжела. Она была безудержно весела и болтлива – настоящая «находка для шпиона», как сказал бы бдительный коммунист, окажись он в этот вечер среди нас. Анжела к тому же обладала привлекательной внешностью – она была смуглой шатенкой, с несколько полноватой, но в общем вполне приличной фигурой – как говаривали в наши времена «девица средней упитанности и средней воспитанности». Трех других девушек звали Елена, Сильва и Снежана – все они были одного возраста – по 19, и лишь Анжеле было 18 – девушка, как выяснилось, закончила школу в 16 лет и в том же году поступила в университет.

Кондрат уже всюю любезничал с одной из девушек, Еленой, Марчел тактично соблюдал нейтралитет, а я переводил взгляд с одной девушки на другую и никак не мог определиться, которая из них мне больше нравится. А пора было определяться, так как вскоре к нам должен был присоединиться еще один наш приятель – Игорь Жердин, и одна из девушек в нашей компании как бы предназначалась ему. Игорь должен был приехать на машине, что существенно повышало мобильность нашей компании, так как, имея в своем распоряжении две машины, мы могли бы все вместе отправиться в любое место, куда только пожелаем.

Разговор, в котором участвовали все сидящие у костра, сделал очередной скачок и ступил на скользкую тему секса, и тогда, опередив всех, слово взяла Анжела, которая заявила, что еще невинна, хотя весь последний год изо всех сил старается с уже надоевшей ей девственностью расстаться. Мы с Кондратом слушали ее и понимающе улыбались: девочка была очень милой, живой и непосредственной.

– Ладно, – сказал я, решив поменять тему, так как время для особой откровенности еще не наступило, – слушайте басню. – Она называется: «Стрекозел ши муравель» – «молдавская» народная басня.

Все, услышав название, заулыбались в предчувствии смешной истории, а я пересказал известную всем басню Крылова близко по тексту и смыслу к оригиналу, только с молдавским непередаваемым акцентом и колоритом. После завершения все присутствующие весело рассмеялись, и, надеюсь, почувствовали себя еще более свободно и раскованно.

Ненавязчиво по ходу разговора я предложил девушкам программу на сегодняшний вечер: прокатиться по городу, а затем, найдя какой-нибудь уединенное местечко для отдыха за чертой города, немного выпить с целью развеяться, и те, немного подумав, согласились: эти девушки, уже целые недели скованные строгими стройотрядовскими порядками, как того и следовало ожидать, сами искали приключений и развлечений.

Часы показывали одиннадцать вечера, когда, наконец, к нашей компании присоединился Игорь Жердин, и мы тут же, поодиночке, стараясь не бросаться в глаза окружающим, разбрелись в разные стороны, чтобы несколькими минутами позже сойтись за ближайшей пятиэтажкой, где стояли наши автомобили.

Всё прошло быстро и по деловому: распределившись по машинам, мы тут же покинули расположение студенческого городка, проехали несколько километров по Московской трассе, затем, в нужном месте, съехали на грунтовую дорогу и через сотню метров остановились у лесной полянки, окруженной стройными высокими соснами.

Со всем возможным комфортом расположившись на брошенных поверх травы покрывалах, – эта весьма удобная для отдыха полянка, признаюсь, была уже давно, еще с прошлых лет обжита и изучена нами досконально, – мы вооружились стаканами, на четверть наполнили их коньяком, и вновь вернулись к теме секса, начатой еще у костра около лагеря и прерванную моей басней. Здесь, на природе, эта тема была как нельзя более актуальна.

Обстановка тому соответствовала и разговор по мере последующих возлияний становился все более непринужденным и интимным. Анжела, милая болтушка, без капельки стеснения, и даже с некоторой бравадой, рассказывала нам, как этим летом она, успев побывать в различных городах – Николаеве, затем в Ялте, потом в Одессе и, наконец, в родном Кишиневе, проводя время в самых разнообразных компаниях, встречалась и общалась с многими ребятами, и никто из них так и не решился освободить ее от этой нелепой (по моему личному мнению) ошибки природы – девственной плевы, хотя ей, матушке-природе, было, конечно, виднее, когда она ее (эту самую плеву) создавала.

Остальные наши девушки, слушая Анжелу, лишь понятиво посмеивались, и это означало, что один из главных этапов взросления – избавление от девственности – был ими уже преодолен. Игорь, слушая эту болтовню, только позевывал и кивал головой, затем, воспользовавшись небольшой паузой в разговоре, отозвал одну из девушек, Сильвию, в сторонку, и напрямую спросил ее, не желает ли она с ним уединиться. Сильвия, подумав немного, согласилась, после чего они покинули наш кружок и направились к машине Игоря, расположенной неподалеку от места нашего базирования. Кондрат был занят разговором с Еленой, тоже, очевидно, склоняя девушку к интиму, и я, решившись, шагнул к Анжеле, подал ей руку и спросил:

– Давай-ка и мы с тобой, милая, тоже куда-нибудь прогуляемся, ты не возражаешь?

Девушка с готовностью встала, и я повел ее к машине Кондрата.

Несколькими минутами ранее я коротко переговорил со своим товарищем, предложив ему заняться в этот вечер девственницей Анжелой, аргументируя свое предложение тем, что каждый мужчина по логике вещей должен хотя бы раз в жизни переспать с девственницей, но Кондрат отказался: он, как я знал, терпеть не мог девственниц и даже слышать о них не хотел – у него, подозреваю, еще с ранней юности развилась виргофобия – это, если верить медикам, болезнь такая, боязнь девственниц. Кондрат часто шутил, – а может, говорил это

всерьез, – что даже с любимой девушкой, своей невестой, не захочет в первую брачную ночь лечь в постель, если та окажется девственницей.

И пусть не усмехается многоопытный читатель мужского пола, сегодня это уже научно доказано – очень многие мужчины боятся лишиться девушку невинности, хотя, если спросить об этом любого из них (из нас), то в большинстве своем они скажут так: а?! что такое? девственница? а ну-ка подать ее сюда, я ее сейчас...

И все же в большинстве случаев это было бы пустой бравадой, хотя бы уже потому, что это действие так или иначе связано пусть порой с минимальным, но насилием, криками, болью и кровью; а также потому, что и удовольствия в этом мужчине нет никакого, если в данном абзаце не касаться криминальной стороны вопроса и могущих возникнуть после этого нежелательных последствий для мужчины.

Итак, мы с Анжелой сели в машину Кондрата и я тронул с места – моя спутница продолжала весело щебетать, что-то рассказывая и, казалось, не выражала никакого беспокойства тем, что мы, покидая остальных, отправляемся кататься вдвоем. Я отъехал от нашего места расположения не очень далеко, всего около километра, после чего съехал с дороги, немного углубившись в посадку – полосу деревьев вдоль дороги шириной в несколько метров, – и остановился, заглушил мотор и вышел из машины; Анжела вышла следом за мной.

– Раздевайся, девочка моя, – сказал я, подходя к ней вплотную и мягко обнимая за талию.

– Зачем? – Казалось, впервые за все это время Анжела начала проявлять некоторое беспокойство.

– Будем расставаться с девственностью, – твердо сказал я. – Она, как я понял, тебя слишком тяготит.

– Может, не надо?.. – в голосе Анжелы прозвучало сомнение, но какое-то неестественное, как в том анекдоте, когда товарищ не знает, брать ему или не брать зонтик, если на улице ненастная погода.

– Нет, надо! – сказал я решительно, а сам, надо признать, совсем не был уверен в своем намерении.

С ней все ясно, она – девственница. Пока. Невинная, нетронутая. Но кто-то ведь должен помочь девушке расстаться с невинностью, которая, ясное дело, ей уже словно заноза мешает? Так почему же этим «спасителем» не могу быть я? До нахального самоуверенный, я был убежден, что в этом деле я не хуже, а даже, пожалуй, лучше многих других. Да, именно так я и думал тогда, ведь мне было всего двадцать... э... с хорошим хвостиком, ну, а если точнее, то уже ближе к тридцати.

Во-первых, я ласков и необыкновенно терпелив, что очень важно именно в тех случаях, когда ты имеешь дело с девственницей.

Во-вторых, я умею быть, если можно так выразиться, одновременно и мягким, и агрессивным и, добиваясь желаемого, последовательно и хладнокровно идти до конца, к тому же, что в этом деле тоже немаловажно, женские слезы практически не трогают меня.

А в-третьих, я, даже будучи уже в процессе, умею контролировать себя, и могу, если обстоятельства того требуют, вовремя остановиться. При всем при этом в физиологическом плане я вовсе не гигант и девушек в момент дефлорации физически не травмирую. И вот, подытоживая все эти качества, заявляю, что если дамочка старше восемнадцати мается дурью, то есть ее обременяет девственность, то я готов помочь ей от нее избавиться. Еще одним из условий является, конечно же, тот факт, что девушка эта должна мне хоть немного нравиться.

Анжела, когда я предложил ей раздеться, стала постепенно стягивать с себя вначале джинсы, а затем и блузку. Затем дрожащими руками она стянула с себя трусики и осталась в одной коротенькой маечке. Я разложил в машине сиденье и сказал ей: «Ложись!», и на этот раз она тоже безропотно подчинилась. Я оглядел ее с видом победителя: вот же она, эта невинная девочка, лежит передо мной нагая и беззащитная – курчавый, темный треугольник волос

внизу упругого девичьего животика располагался прямо напротив моего уже напряженного – но пока еще скрытого в брюках – естества. Анжела уже не смеется, и конечно, ей теперь не до болтовни – лицо ее серьезно, слегка напряжено, и теперь мне даже кажется, что в любую следующую секунду она готова прослезиться. Никогда еще девушка не лежала передо мной вот так, открыто и спокойно, не возмущаясь и не сопротивляясь. Я положил ладонь ей на живот, от моего прикосновения девушка вздрогнула и слегка напряглась. Сладкий, дразнящий запах женского, вернее, чистого девичьего тела достиг моего обоняния. Это подействовало на меня возбуждающе, но все же я не спешил.

– Попробуй, потрогай, я – настоящая девственница, – сказала Анжела, слегка подрагивая под моей ладонью.

– Ты этого хочешь?! Тогда раздвинь ножки, – сказал я, потянув вниз змейку брюк.

– Нет, ты попробуй пальчиком.

– Молчи, дуручка, я пальцами там не трогаю, – сказал я грубо, а про себя подумал, что она, чертовка, будто специально испытывает меня.

«Так почему же я не набрасываюсь на нее?» – мысленно спросил я сам себя. И сам же себе ответил. Дело в том, что, как бы это поточнее выразиться, Анжела, если между нами случится секс, будет моей юбилейной девственницей, а я всего неделю назад, после незабываемой ночи с девушкой по имени Инна, поставил перед собой заслон, как некую грань, решив: вот она – последняя, а следующая – непременно роковая, и для себя наметил эту самую грань ни при каких обстоятельствах не переступить. И, кроме того, каждый мужчина, если он, оказавшись в подобной ситуации, еще может соображать, обязательно должен помнить также и о тюремных факторах – ведь после «развлечений» с девственницей, когда ты лишаешь ее невинности, у тебя уже нет ни единственного шанса оправдаться в случае чего перед законом – и это, в сущности, правильно. И тогда – милиция, суд, камера... а для меня лично единственным продолжением в этой цепи является – колючка... часовой с автоматом на вышке... попытка побега, рывок, автоматная очередь и, надеюсь, мгновенная смерть – ну не готов я по жизни становиться зеком, и почти как факт в связи с этим – «девочкой» – сексуальным объектом, которого домогаются мужики на зоне.

И от всех этих безрадостных мыслей, вихрем пролетевших в моей голове, я сломался, хотя где-то в душе и понимал, что риска от секса с этой девушкой нет почти никакого.

– Ладно, поехали, милая девочка Анжелочка, – сказал я, выбираясь из машины и застегивая брюки. – Одевайся.

Анжела посмотрела на меня таким взглядом, что мне на мгновение стало не по себе. Я смешался и сказал ей:

– Помни, я тебе обещал – сегодня ты станешь женщиной, и это обязательно случится.

Пока она одевалась, я поднял сидение, от стыда стараясь не глядеть в ее сторону, сел за руль и завел двигатель, и уже через несколько минут мы присоединились к нашей компании. На момент нашего возвращения все уже были в сборе. Сидя кружком, ребята развлекали друг друга шутками и анекдотами, однако при нашем появлении на нас с Анжелой, как в том анекдоте, «было всеобщее внимание». Тем временем я оставил Анжелу рядом с другими девушками, а сам отозвал в сторону Кондрата:

– Как у тебя, брат, дела на сексуальной ниве?

– Никак, – хмуро ответил он. – У Елены – месячные, и поэтому все, что связано с сексом, как она сказала, отпадает.

– Возьми Анжелу, Кондрат, отведи в лесок и шпокни, она действительно девственница.

– Нет, Савва, – скривился он. – Ты же знаешь что это не по мне.

– Выручай, брат, вся ответственность на мне, – умоляющим тоном говорю я ему. – Если будут малейшие проблемы с милицией или родителями, я беру все на себя и женюсь на ней. (Милиция и прокуратура, как известно, в тех случаях, когда есть хоть малейшая возможность

представить свершившийся факт, – даже если изнасилование действительно имело место, – плодом взаимной любовной страсти, предлагала сторонам уладить дело мирно и полюбовно, то есть пожениться).

– Нет, и не проси.

– Сделай это, Кондрат, в жизни все надо хотя бы однажды испытать. Ну же, выручай товарища, – сказал я и добавил тихим голосом: – Пожалуйста, брат, пойми меня, я ей обещал.

Кондрат опустил голову, вернулся к компании, молча подошел к Анжеле, взял ее за руку, другой рукой подхватил с земли покрывало и повел девушку в чащу. Я, стараясь не думать о том, что там между ними должно произойти, присел рядом с другими, и, потягивая маленькими глотками коньяк, решил, что никогда больше даже близко не подойду к девственнице – нервы уже совсем не те, а главное, следует признать, что я, видимо, постарел для этих дел.

Пока я занимался душевным самобичеванием, Игорь с Марчелом о чем-то заспорили, кажется о международной политике, девушки тоже приняли в споре живейшее участие, и вдруг на фоне этой полемики из глубины чащи послышался женский крик, отчего девчонки, прекратив разговоры, даже привстали со своих мест, затем, стыдливо глядя друг на дружку, стали усаживаться обратно на покрывала. Все поняли, что именно произошло, и никто не проронил ни слова.

Я выждал несколько минут, затем встал, и, сам не понимая с какой целью, медленно направился в ту сторону, где, как мне казалось, должны были находиться Кондрат с Анжелой. И действительно, Кондрат вышел мне навстречу с зажженной сигаретой в руке; Анжела держалась далеко позади.

– Ну?.. – спросил я нервничая. – Вас было слышно на весь лес. Дашь и мне закурить?

Кондрат вытянул из кармана пачку «Мальборо» и протянул мне.

– Можно тебя поздравить с дебютом? – спросил я, прикуривая.

– Ничего хорошего, – сквозь зубы пробурчал он в ответ.

– Все равно – молодец! – Я улыбнулся. – Не очень страшно было?

– Мне – нет, а ей – не знаю, я ее, кажется, в попу трахнул.

– Ты че, смеешься надо мной?! – мгновенно завелся я. – Я же ей обещал! Зачем, спрашивается, издеваться над девушкой. Тем более, я тебе сказал: если что, на ней женюсь я. – Я с упреком поглядел на товарища. Затем усмехнулся: – Хорош друг. Ты что же, таким образом мне невесту готовишь? Я ведь тебя об этом не просил. А теперь я попрошу тебя, брат-Кондрат, довести начатое дело до конца, а не возвращать в девушке комплекс неполноценности, сам подумай, какое мнение теперь она о нас, мужиках, составит.

Кондрат насупился, повернулся и медленно пошагал навстречу Анжеле.

Эта история, признаться, уже начинала меня угнетать, из-за не на шутку расшалившихся нервов мне даже стало казаться, что именно я в этот вечер самый несчастный из всех присутствующих. В какой-то момент я даже чуть было не крикнул вслед Кондрату, чтобы он вернулся и бросил эту дурацкую затею, и лишь в последнюю секунду, сдержавшись, промолчал.

На этот раз Анжела и Кондрат отсутствовали дольше, чем в первый раз, и я, немного успокоившись, и почти позабыв о них, с интересом стал присматриваться к Снежане – она сегодня, так же как и я, оказалась, если так можно выразиться, невостребованной. Скрестив ноги по-турецки, девушка сидела чуть в стороне от остальных, с наслаждением затягивалась сигаретой и, казалось, была вполне довольна жизнью и собой. Подойдя, я опустился перед ней на колени и стал, в упор, нахально, хотя и с улыбкой разглядывать ее; она, склонив голову чуть вбок, серьезно, с едва заметной усмешкой, глядела на меня. Внешности Снежана была несколько необычной: крупная голова с густой копной выющихся каштановых волос, округлое, привлекательное лицо с огромными карими глазами и пухлыми, как у ребенка смешными щеками, делавшими девушку еще моложе ее 19-ти, тонкая шея, довольно крупный бюст на тщедушном теле, а бедра и ноги ее были будто взяты от какого-то худощавого мальчишки и по ошибке

приделаны ей – так они не гармонировали с головой и бюстом. Из-за этой ее непропорциональности мне в какое-то мгновение даже показалось, что щеки у Снежаны шире, чем бедра, и это предположение рассмешило меня.

Девушка также с интересом посматривала на меня, что позволило мне сделать следующий шаг.

– Снежанка, скажи честно, тебе в нашей компании скучно? – спросил я, подныривая ей под руку и опускаясь головой на ее бедро.

– Н-нет, все нормально, – ответила она, усаживаясь так, чтобы мне было удобнее.

– Хочешь, Снежанка, мы с тобой на обратной дороге забуримся ко мне домой и с лихвой наверстаем то, что пропустили до сих пор?

– Не знаю, я лично не страдаю от того, что у меня сегодня ничего не было, – сказала Снежана, голос ее был ровный и мягкий.

– Соглашайся, – прошептал я, то ли полушутливо, то ли полусерьезно. – Соглашайся, и ты не пожалеешь. Ты уже, надеюсь, знаешь, что наша жизнь состоит из случайностей и мгновений, так лови, не упускай свое мгновение, ведь может быть, это и есть один из тех счастливых случаев, о которых потом всегда приятно вспомнить.

Проговорив весь этот каламбур, я уткнулся лицом ей в живот и замолчал.

– Хорошо, уговорил, я согласна, – сказала Снежана и засмеялась красивым мелодичным смехом, – до сих пор, а мы провели вместе уже несколько часов, я не слышал, чтобы она так смеялась.

– Спасибо, Снежанка, я рад, что ты такая понятливая, – сказал я. И успокоился.

Ангела и Кондрат вернулись из леса хмурые, ни тот, ни другая ни на кого не смотрели и ни с кем не разговаривали. Почти сразу же по их возвращении мы собрались, сложили вещи и отправились домой. По дороге Ангела, а она ехала с нами в одной машине, немного отошла, и даже пыталась шутить. Милая глупышка, ее жизнерадостности можно было позавидовать – в такой нелегкий для себя день она не утратила чувства юмора.

Девчонок мы отвезли в лагерь (за исключением Снежаны, разумеется), там же попрощались с Игорем, так как дальше ему с нами было не по пути. Кондрат по моей просьбе высадил нас со Снежаной у моего дома, и сам вышел из машины, для того, чтобы, как я думал, попрощаться. Извинившись перед девушкой, он отвел меня в сторону и, посмотрев мне в лицо долгим тяжелым взглядом, сказал: «Да пошел ты, Савва... со своими девственницами... Какое это все-таки мерзкое дело, до сих пор в себя прийти не могу...» Не договорив, он махнул рукой, пошагал к машине, сел за руль и уехал.

Вот такая благодарность! А мне казалось, что я в этот вечер помог своему другу избавиться от – по моему мнению – единственного имевшегося у него комплекса.

P.S. Любопытно, что затея, придуманная мною для проникновения в студгородок, да еще при посредстве милиционеров, в итоге таки оправдала себя, и мы с Кондратом получили туда постоянный доступ, который использовали по мере необходимости и в дальнейшем; кроме того, идеи и меры для более спокойного проживания студентов, придуманные нами на ходу, экспромтом и описанные в совместном протоколе, к нашему удивлению, вскоре стали работать: освещение вокруг лагеря отремонтировали, у студгородка с вечера до утра действительно теперь дежурил милиционер, регулярно стали проводиться дискотеки и вечера отдыха, от которых все были в восторге – и студенты, и начальство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.